Вирус

Автор:
Сергей Федоранич

Вирус

Сергей Федоранич

Жизнь и смерть. Королева детектива рекомендуетСледователь по особо известным делам Игорь Романов #3

Смерть – какая она? Страшная? Или наоборот – освободительная? Кто решает кому жить, а кому нет?

Журналист Максим Котов недавно пережил самую страшную потерю. Неизвестный вирус унёс жизнь его ребёнка.

«Так бывает…» – сказали врачи. Но Максим уверен, что смерть его дочери – не случайность, а часть большого заговора. И в этом заговоре его ребенку была отведена роль пешки, которой с легкостью пожертвовали ради достижения «большой цели».

Котов решает найти виновного и отомстить. Но чем больше он углубляется в расследование, тем запутаннее становится история. Ему кажется, что концов уже не найти, но судьба всегда расставляет все по местам. И бумеранг, запущенный однажды, обязательно возвращается к хозяину…

Сергей Федоранич

Вирус

Все события романа вымышленные. Любые совпадения событий, имен и фактов совершенно случайны.

Дубай, 10 января, несколько лет назад

Наташа

Глаза Костика горели. Мальчик был возбужден до предела, ведь никогда прежде мама не брала его в чудесные поездки за границу. А теперь, когда Костику исполнилось одиннадцать, он стал совсем взрослым, ему можно доверять, и хлопот с ним немного. Наташа бы и раньше брала сына в деловые поездки, но кто присмотрит за ребенком, когда она весь день бегает по встречам, конференциям и симпозиумам? На Катюшу никакой надежды нет: она активно устраивает личную жизнь и тратит на прихоти огромные суммы. Девочка не знает цену деньгам и ни во что не ставит мать, которая эти деньги зарабатывает. Честно говоря, Наташа так устала от потребительского отношения дочери, что практически не раздумывая согласилась на эту поездку, лишь бы хоть на какое-то время побыть без Катюши.

Они разместились в трехзвездочном отеле Centro Barsha в районе Аль-Барша в семи минутах ходьбы от торгового центра Mall of the Emirates. Наташа не раз бывала в этом отеле и очень его любила. Здесь все для комфортного проживания, включая бассейн на крыше (Наташа очень любила проводить вечера в этом бассейне).

Район Аль-Барша появился относительно недавно, его начали строить в начале двухтысячных, когда еще не было засилья туристов и развлекательных центров, и район облюбовали предприниматели для проведения деловых встреч и сопутствующих вечеров.

Теперь основной наплыв туристов сосредотачивается, конечно же, вокруг торгово-развлекательного центра Mall of the Emirates, одной из самых главных достопримечательностей Дубая. Чуть ли не в каждую программу мероприятий

включено посещение Ski Dubai – одного из крупнейших в мире крытых горнолыжных курортов, который там же, в Mall of the Emirates.

Для одиннадцатилетнего Костика огромный торговый комплекс был сказкой в его распоряжении. Наташа и Костик договорились, что мальчик не будет покидать торговый комплекс без нее, а если это все же случится, сразу же обратится в полицию. Конечно, Наташа не рискнула оставить сына одного, поэтому наняла русскоязычного гида – строгую и серьезную женщину средних лет, которая выглядела как учительница физики: немного с прибабахом.

Первый день Наташа не находила себе места от беспокойства. Она трижды пожалела, что взяла Костика с собой, и то и дело звонила ему на мобильный, чтобы спросить, где он и что с ним. И каждый раз отвлекала сына либо от посещения кино, где показывали фильмы и мультики на английском, либо от катания на огромных надувных плюшках в Ski Dubai.

Однако увидев Костика вечером в окружении новых друзей – троих русских подростков, Наташа расслабилась. Дети развлекались под неусыпным надзором бывшей учительницы (оказывается, все же английского языка).

Костя, захлебываясь от восторга, весь вечер рассказывал, как он развлекался. Его рассказ начался, едва они встретились, и не закончился ни на ужине, ни в бассейне, куда они пришли уже в начале одиннадцатого ночи. Мальчик был полон впечатлений, и Наташа окончательно поняла, что приняла верное решение, взяв сына с собой.

Наутро Наташа снова ушла на выставку, сообщив гиду-бебиситтер, что придет поздно, и попросила посидеть с Костиком в отеле. Сегодня после выставки планировалась вечеринка, которую Наташа ждала с особым трепетом: на ней будут министр юстиции России со своей свитой и, самое главное, управленец «Трастфондбанка» Николас Рудуа – главный фигурант в деле Успенских. По информации Наташи, именно Рудуа был посредником в даче взяток российскими предпринимателями, но у нее не было ни единого доказательства, которое она могла бы предъявить без опасений.

Результатом сегодняшнего вечера должны были стать две потрясающие статьи, одну из которых очень просили в Америке, и Наташа была настроена серьезно.

Выставка плавно перетекла в вечеринку в ночном клубе отеля Centro Barsha. Наташа не поняла, как выпила больше, чем планировала. Голова увязла в мягкой вате, но все еще соображала. Она говорила с людьми, раздавала свои контакты и даже несколько раз посмеялась над шутками американского журналиста, который неоднозначно дал понять, в каком номере отеля остановился и как бы хотел провести сегодняшнюю ночь. Наташа обещала подумать, а сама написала сыну: «Я скоро буду». Но скоро не получилось, и через час на мобильный пришло сообщение, что бебиситтер более не может оставаться с Костиком, просила вернуться в ближайшие полчаса и рассчитаться с ней. Наташа незаметно покинула вечеринку, поднялась на лифте в номер, отпустила няню и уложила Костика спать, взяв с сына обещание не покидать номер, пока она не вернется. Сыну Наташа сказала, что надолго не задержится, ей требовалось уточнить лишь некоторые детали.

Вернувшись в бар, Наташа сразу поняла, что после полуночи напитки перестали разбавлять содовой и в ход пошли сухие виски и водка. Бар был закрыт на спецобслуживание, где разрешалось употребление алкоголя. Ее не было меньше получаса, а уровень опьянения присутствующих возрос значительно. Однако в этом был большой плюс – пьяные языки легче развязать, и уже через полчаса Наташа выяснила, что Николас Рудуа действительно был посредником при передаче взяток, и даже заручилась комментарием о размере этих взяток. Она наметила план действий по возвращению в Москву и сразу же написала американскому редактору: «Статья будет не позже 23-го января, можно планировать в ближайший выпуск».

Наташа уже собиралась подняться в номер и лечь спать, но к ней снова подкатил тот американский журналист. Он был пьян, но заметно трезвее всех остальных и куда раскованнее, чем час назад. Наташа и сама не поняла, как заинтересовалась предложением. Они сидели на диванчике, пили коктейль, он шептал ей на ухо какие-то глупости низким шепотом, его рука то и дело проскальзывала по ее коленке. В конце концов Наташа перестала отвечать «нет» на его просьбы и ушла в дамскую комнату привести себя в порядок. Возле женского туалета, как всегда, была очередь. Наташе требовалось срочно попасть туда, и она сделала то, что делала обычно – попросила мужчину, вышедшего из мужского туалета, посторожить дверь, пока она там делает дамские дела. Этим мужчиной оказался сам министр юстиции Дмитрий Иванович Шелехов, который с пониманием отнесся к просьбе Наташи и отдежурил добрых десять минут у дверей, не впуская мужчин в туалет.

Наташу сильно развезло, и в половине первого ночи она отправилась в номер на шестнадцатом этаже, позабыв, что на диванчике ее ожидало романтическое приключение. Костик уже сладко спал, и она тоже легла.

* * *

Наташа проснулась среди ночи. Шторы плотно задернуты. Нашарила на тумбочке телефон: на часах 02:35. Нестерпимо болит голова. Наташа запила таблетку цитрамона, полежала несколько минут, не двигаясь, но боль даже не притупилась.

Черт возьми, это точно мигрень от похмелья, решила она и тяжело вздохнула, потому что единственное средство избавиться от ее мигрени – приложить холодное. Может быть, это и не медицинский способ, но ей помогало. В холодильнике не оказалось ничего – Костик выдул всю воду и даже съел все яблоки, включенные в стоимость номера. Придется выходить в коридор, там стоит кулер, а возле него ведерко со льдом, она утром видела.

Но льда там не было, на донышке только небольшая лужица.

«Может быть, на другом этаже лед есть?» – подумала Наташа и толкнула дверь на лестницу. Хорошо, что не пришлось переться в другой конец коридора – их номер был возле лестницы, а рядом – кулер.

Но дверь во что-то уперлась.

Она толкнула сильнее и услышала чей-то возбужденный шепот. Голова вот-вот треснет, ни о чем, кроме как поскорей найти лед, Наташа думать не могла, поэтому протиснулась в узкую щель и стала подниматься. На площадке обнаружились мужики с огромным чемоданом, он-то и мешал открыть дверь. Судя по всему, они тащили его вниз.

«Надо же, придурки, – подумала она, – столько этажей вниз. Наверное, лифт сломался, а вылет посреди ночи».

Она благополучно раздобыла лед, приложила к вискам два кусочка и блаженно зажмурилась. Боль начала утихать почти сразу. Она спустилась к себе в номер,

насыпала лед на полотенце и положила компресс на лоб. Так она, может быть, и до утра доживет.

* * *

Наташа еле-еле утром подняла голову.

Она бы поспала еще пару часов, если бы не верещащий Костик. Он бегал по номеру как оголтелый. Наташа скривилась – головная боль вернулась с новой силой.

«Если сейчас меня убьют, убийца попадет в рай, – подумала она. – Зачем же я вчера пила все подряд? Ведь знаю же, что если и пить, то что-то одно, а то будет бо-бо».

Телефон безжалостно показывал половину восьмого утра.

– Костик, солнышко, ты не хочешь еще немножко поспать? – спросила Наташа и тут же захлопнула рот: ее резко затошнило.

Костик в ответ запрыгнул к матери на кровать и стал раскачивать ее. Наташа поняла, что ребенку плевать на ее страдания, и правильно – ведь это она напилась вчера, да еще чуть-чуть – и отдалась бы незнакомому американцу… Да уж, идеальная мать, порядочная женщина, что тут скажешь.

Она отправила Костика чистить зубы, а сама собрала валяющиеся на полу вещи. Взяла в руки полотенце, которым она спасалась ночью, и вспомнила, как видела двух типов, спускающих по лестнице огромный чемодан. Ночное происшествие показалось странным, но вчера она была так пьяна, что ей могло причудиться что угодно. Все, что угодно. В ванной она попыталась прийти в чувство, сначала познакомившись поближе с унитазом, а потом посредством ледяного душа. Полегчало.

На завтраке она лично проверила, чтобы Костик не набрал сладостей больше, чем сможет съесть. Чревоугодие у него от отца – видит сладости и загребает тоннами. И ведь запихивает в себя даже против чувства сытости. Она отполовинила то, что навыбирал себе сын, положила в его тарелку сосиску и

омлет, пару листочков зелени и разрешила взять огромный стакан пепси. Для Костика все это – великое событие, и, так уж и быть, она позволит сыну выпить сироп.

Себе Наташа взяла салатик без мяса, с перепелиным яйцом, козьим сыром и рукколой, но, хотя пока она ходила от стола к столу, выбирая еду, аппетит у нее был, – стоило сесть за стол, как все разом исчезло. С сожалением отодвинула еду и сходила за кофе.

Судя по всему, остальные тоже чувствовали себя не очень.

Наташа тоже была не святее папы римского, но таких откровенных пьянок с неожиданным финалом у нее не случалось. Хотя кто знает, чем бы закончился вчерашний вечер, не будь с ней Костика? Очень даже возможно, что утреннюю головную боль пришлось бы разделить с тем американским журналистом… Кстати, а где он?

Она пошарила взглядом по залу – вот он, красавец с пропитой мордой. Ну уж, чудны дела твои, водочка!.. Красавец! Да ведь он же просто выпивоха с пузом, неопрятный и совсем не в ее вкусе. Наташе нравились мужчины нордического типа, хорошо сложенные блондины, с большими светлыми глазами, а этот замухрыш – не первой свежести. Лет ему (по состоянию внешнего вида наутро) где-то сорок – сорок пять, а лишнего веса, наверное, килограммов двадцать.

А вот и министр…

Еще одно подтверждение тому, что пить министры не должны. А если кто-то сделает фото? Наверное, ему еще хуже, чем Наташе. Хотя ее после второй чашки кофе все же отпускало. Она даже подумывала сходить с Костиком в торговый центр и прикупить одежды, освободив сына от свидания с гидом-воспитательницей на сегодняшний день.

А министру явно было хреново. Лицо серое, вокруг глаз черные тени, движения резкие, нервные. Наверняка чувствует себя не в своей тарелке – и жрать хочется, и стыдно в таком виде показываться… Ну поручил бы своему ассистенту Мише притащить еды в номер, зачем же так мучиться?

И Миша какой-то странный. Пришибленный. Как обычно, он выбрал столик неподалеку от министра, но не тот столик, где расположилась охрана – двое парней в костюмах, – и даже не возле советника министра, а отдельно, но близко. Наташа министерского ассистента недолюбливала, потому что у парня было однозначное мнение на ее счет, и он не стеснялся его выражать. В Москве ей приходилось постоянно писать Диме, чтобы Миша прислал ей те или иные обещанные документы. Миша, видите ли, был недоволен тесной связью Наташи и шефа, всем видом это демонстрировал и как мог старался сделать так, чтобы эта связь давала сбои. Но Наташе было плевать – она и не с таким контингентом работала и вполне продуктивно.

Костик, радостный, унесся к столам, где услужливые официанты разрезали для детей любые фрукты, которые им захочется.

Наташа решила выпить еще кофе, а заодно поздороваться с министром.

– Это утро добрым не назовешь, да, Дмитрий Иванович? – сказала она приветливо.

– Привет, Наташа, – ответил министр. – Это точно. Перебрал вчера.

– Ну что ты не попросил Мишу принести еду в номер? – спросила она тише. – На крайний, позвонил бы мне…

– Надо как-то раскачаться, – ответил Шелехов и вымученно улыбнулся.

Наташа решила его больше не напрягать своим присутствием и отошла. Но, едва сев за стол, сразу написала Диме: «Что-то случилось?»

Ответ: «Уже и не помню, что было. Наверное, просто похмелье» она получила только в Москве, спустя три дня. Это на Диму было совсем не похоже: он всегда быстро отвечал. Что могло его так сильно увлечь, что он аж до Москвы не просматривал сообщения в телефоне?

Москва, 09 марта этого года

Наташа

Когда Катюша пришла домой ранним утром, Наташа в очередной раз пожалела, что когда-то решила быть матерью, которая во всем поддерживает своего ребенка. Ведь Катюша катится вниз, на самое дно, а остановить ее Наташа никак не может. Что вообще в ее силах? Катюше двадцать три года, она взрослый человек. Она сама может решить все, что касается ее жизни. Да, она еще учится в университете и полностью на содержании матери, но насколько это важно? Те круги, в которых Катюша вращается, в любой момент поглотят ее, возжелай она стать независимой от матери.

Конечно, Наташа думала о том, что все могло бы быть и по-другому. Например, она бы держала под контролем все, что касается Катюшиной жизни. Запрещала бы поздние свидания, не разрешала бы ночевать вне дома, ограничивала бы в деньгах.

Но Наташа выбрала быть другой матерью.

Возможно, держи она дочь в строгости и дисциплине, не было бы поводов переживать, терзаться страшными мыслями и чувствовать себя так, словно она совершает грязное и постыдное. Правда, эти мысли возникали у нее тогда, когда она Катюшу не видела. Когда дочь приходила домой, Наташа радовалась той преданной и щемящей материнской радостью, которая с лихвой окупала бессонные ночи. Пока Катюша снова не уходила.

И в то утро все было так же. Наташа услышала, как осторожно открывается дверь, неуверенные, пьяные шаги по коридору, грохот ключей о деревянную столешницу, глухой стук скинутых каблуков, журчание воды в ванной. Катюша вернулась.

– Привет, малышка, – сказала Наташа, заглянув в ванную. Ей пришлось сделать вид, что она не замечает травмированные губы дочери. – Ночь была веселой?

– Типа того, – ответила Катюша, исподлобья посмотрела на маму и коснулась ранки на губе.

В такие моменты, когда они оставались одни (Костик был в школе), Наташе хотелось взять дочь за шкирку, вытряхнуть из нее все дерьмо, отлупить ремнем и запереть дома, чтобы она не смела ходить по тем местам и ночевать с теми людьми. Но Наташа знала, что делать этого ни в коем случае нельзя. Первая же минута свободы превратится в бегство, а учитывая характеры родителей Катюши, это бегство может быть окончательным и безвозвратным. Ведь сама Наташа однажды сбежала из дома и больше туда не вернулась. Отец Катюши и вовсе человек-перекати-поле, не имеет ни места жительства, ни гражданства. Где он сейчас – одному богу известно. Хорошо, что Катюша не знает о нем ничего, иначе романтика большой дороги по стопам отца ее бы покорила и унесла от матери далеко-далеко.

Умывшись и почистив зубы, Катюша удалилась в свою комнату, чтобы переодеться. Джинсы, которые были на дочери, Наташа не видела очень давно. Недели три, и в стирке их не было. Значит, она была там, с тем мужчиной. Ну конечно, откуда еще будут такие травмы! Наверное, и белье свое будет стирать сама, не положит в общую корзину. И футболка не ее, да и рюкзак.

Наташа приготовила завтрак, накрыла на стол и позвала Катюшу. Они позавтракали молча, думая каждая о своем.

Вчерашнее сообщение: «Мама, не жди дочь сегодня» лишило Наташу сна. Она была в офисе допоздна, вычитывала материалы в завтрашнюю печать и никак не могла сосредоточиться, приходилось читать по несколько раз. Наташа специально тянула время, чтобы приехать домой попозже, в надежде, что Катюша передумает или не срастутся планы на ночь, и она вернется домой. Но в половине первого ночи, когда Наташа приехала, дома был лишь Костик, который давным-давно уснул. Она легла на диван одетая в ожидании звонка от Катюши, или ее подруг, или из полиции, или еще из какого-нибудь страшного места, готовая выехать в любую секунду и спасать своего ребенка.

Всю ночь перед ней лежал планшет с открытой страницей банковского приложения. Вот Катюша в клубе, покупает напитки. В половине второго ночи последняя операция по кредитной карте – 655 рублей, стоимость коктейля, и после этого полный штиль. Раньше у нее был локатор, который следил за перемещением дочери, но Катюша об этом узнала и устроила истерику, обвинила мать в двойных стандартах, недоверии и стремлении к тотальному контролю. Пришлось локатор отключить, и начались бессонные ночи. Наташа не

могла сказать дочери, что сможет уснуть только тогда, когда знает, где она. Не может, потому что официально она ей доверяет и не влезает в ее личную жизнь, а беспокойство, которое Наташа не может победить ночами – ее личная проблема, которая Катюшу никак не касается.

Но вчера с тревогой Наташа не справилась. На часах было 03:12, она собралась и поехала в клуб, в котором тусила дочь.

Надежда, что в клубе она застанет Катюшу, была слабой, дочь могла уже уехать. Но она там была. Увиденное Наташе не просто не понравилось – она пожалела, что вообще сунулась туда. Ночной клуб был полон пьяной молодежи (во всяком случае Наташа надеялась, что парни и девчонки всего лишь пьяны), они дурачились, развязно танцевали, висли друг на друге, спотыкались на мягких ногах, падали, но это не было ни задорно, ни весело. Наташа видела вакханалию с гнилостным налетом. Если бы они знали, как выглядят со стороны, они бы этого точно не одобрили, думала Наташа. А еще она не понимала, что ее дочери нужно в таком заведении.

А потом она увидела совершенно другую Катюшу, которую не видела никогда. Абсолютно невменяемая, повисшая на двух амбалах, ее дочь вела себя как самая настоящая потаскуха. Втянутая на танцпол и стиснутая со всех сторон потными озабоченными мужиками и вульгарными женщинами, она прыгала минут сорок, не останавливаясь и не сбивая дыхания. Наверняка она была под увеселительными таблетками, дающими энергию, но убивающими организм.

Наташа держала себя приклеенной к стенке, не шевелясь следила за каждым контактом дочери. Она видела человека, который по-хозяйски взял ее дочь за шею и уволок с собой в курилку, где небрежно швырнул на диван и дал в руки какой-то маленький кулек, который Катюша послушно проглотила, закинула ногу на ногу и закурила тонкую сигарету. Через четверть часа она уже опять прыгала на танцполе, а тот человек встал рядом с Наташей и писал сообщения кому-то.

– Принеси мне кофе, – велел он, не отрываясь от смартфона.

Он был армянином, высоким, стройным и весьма симпатичным. Большие глаза, пухлые губы и надменный горячий взгляд – у восточных мужчин прекрасно выходит быть надменными. Наташа хотела было сказать ему, что она не

официант, или вообще послать его, но вдруг передумала. Она сходила к бару, купила кофе, принесла этому человеку чашку и только тогда сказала:

– Хоть я и не официант, но держите.

Армянин поднял на нее удивленный взгляд, щелкнул телефоном, убрал его в карман и проговорил весьма вежливо:

– Простите, просто девушки в этом заведении либо официантки, либо трансвеститы, либо шлюхи.

– Как видите, есть еще независимые женщины, которые не относятся к этим категориям. Меня зовут Наталья, я здесь по работе.

– А кем вы работаете? – спросил он.

– В сфере организации мероприятий, – соврала Наташа. – У нас есть клиент, который подыскивает площадки для своих корпоративов. Меня попросили оценить эту площадку.

– Я могу познакомить вас с хозяином, хотите?

– Нет, спасибо, в этом нет нужды. Я уже выслала свое мнение, что атмосфера этого клуба нам подходит. Я еще немножко тут потусуюсь и поеду домой.

– Сколько я вам должен за кофе?

«Вот ведь наглая морда! – подумала Наташа. – Если ты знаком с хозяином, то наверняка знаешь стоимость чашки кофе. Или просто выпендриваешься?»

Наташа решила проверить.

– Двести рублей, – сказала она.

Он тут же извлек из кармана джинсов тысячу и подал Наташе.

– У меня нет сдачи, – улыбнулась она.

– Я бы хотел угостить вас кофе.

Ну кто же так угощает даму кофе? Типа, пойди купи себе? Наташа отвлеклась, потеряла бдительность и не заметила, как произошла катастрофа. Рядом возникла Катюша, она просто врезалась в стену и невменяемым взглядом уставилась на армянина. Дочь в упор не замечала Наташу, посмотрела на нее, но не узнала! Ну конечно, она была слишком пьяна и не ожидала увидеть тут мать, да еще и в обществе этого человека.

– Зая! – завопила Катюша прямо в лицо армянину. – Вези меня домой! Я натанцевалась!

Армянин посмотрел на Катюшу с брезгливостью. Наташу это взбесило. Ведь ты сам, говнюк несчастный, дал ей ту гадость и теперь делаешь брезгливое лицо?! Армянин позвонил кому-то, и через несколько секунд рядом появились те самые двое амбалов, которые подхватили Катюшу и потащили к выходу. Наташа думала, что армянин сейчас распрощается с ней и уйдет следом, но нет. Он проводил неодобрительным взглядом собственника, как его вещь утаскивают, а затем повернулся к Наташе и сказал:

– Я извиняюсь за мою подругу, она не умеет держать себя в руках. Приходится следить за ней. Я могу все же угостить вас кофе?

Наташа неожиданно для себя согласилась. Армянин представился Рустамом, но Наташа ни на миг не поверила в это. Она видела, что на его золотой карте выбито другое имя, но не смогла прочесть. Они сели за столик на летней веранде, кофе принесли почти сразу. Рустам (пусть будет так) спросил:

– Вас ничего не смущает в этом заведении?

– Нет, – ответила Наташа, – а должно?

– Ну, вы наверняка неодобрительно относитесь к тому, что молодежь здесь принимает наркотики.

– Конечно, неодобрительно, но у каждого своя голова на плечах, и у них есть родители.

– У вас есть дети?

– Есть.

– И как бы вы отнеслись к тому, что ваш ребенок употребляет наркотики и зависает в таком заведении?

– Я бы не одобрила, – ответила Наташа.

– Но допустили бы?

– А мой ребенок, отправляясь сюда, скажет мне правду, куда он и чем будет заниматься? – спросила Наташа.

– Тоже верно, – согласился Рустам.

– Рустам, могу задать нетактичный вопрос?

– Можете, – ответил Рустам и отпил кофе.

– Та девушка – вы с ней встречаетесь?

– Ну, можно и так сказать.

– А как вы относитесь к тому, что она перебрала лишнего? И это явно не только алкоголь, – сказала Наташа.

– Да мне без разницы, если честно, – ответил Рустам. – Она так, на пару раз… Если вы понимаете, о чем я. Конечно, если бы мне было не все равно, я бы не позволил ей вообще здесь появиться. Она бы у меня училась, работала и занималась спортом. В идеале, конечно.

– Но сами-то вы здесь…

– Я с головой дружу, – ответил Рустам. – Похоже, что я закидываюсь наркотой или хожу по темным комнатам?

– Нет.

Наташа не совсем поняла, что имел в виду Рустам под «темными комнатами», но явно что-то не очень цензурное.

– Что позволено Юпитеру, как говорится, – продолжал Рустам. – Катька, так зовут девушку, которую вы видели, неплохая девчонка, сообразительная, не ведет себя как последняя шлюха, хотя у вас может быть сейчас другое мнение, она сегодня перебрала, обычно она не такая. Она из приличной семьи, учится. Но не всегда себя может держать в руках. Когда встретит подходящего человека, обязательно изменится.

– А если не встретит?

– Тогда превратится во что-то подобное этой диве.

Рустам кивком показал на непонятное существо, которое стояло справа от них в необычайно эротичной позе, правда, эротичной ее, наверное, считают в каком-то совершенно ином измерении.

Высокая рыхлая женщина солидного возраста была облачена в застиранное платье сливочно-розового цвета. Голая спина в родинках со свисающими жировыми складками, неопрятные грязно-белые туфли с голым мыском на высоком каблуке, натянутые на босую ногу с грязными ногтями и потрескавшимися пятками. Платье было длинным, а разрез начинался от самых ягодиц, где просвечивали розовые же стринги, утонувшие в жирных складках лях. Страшнее всего было смотреть на лицо в обрамлении синтетического неухоженного белого парика-каре. Вульгарный макияж жирными розовыми полосами с блестками уложен на веки, розовая помада, растекшаяся по носогубным складкам, и совершенно дикое выражение глаз. Лицо человека, которому уже ничем нельзя помочь.

«А ведь у тебя тоже есть мама», – подумала Наташа с тоской на сердце. Мысль, что ее Катюша когда-нибудь превратится в нечто подобное, болью отозвалась в

груди, она поспешила сделать глоток кофе, чтобы закашляться и замаскировать слезы.

– Ужас, правда? – спросил Рустам. – Я давно тусуюсь в таких заведениях и все чаще вижу, как нормальные девчонки превращаются в это. У них нет людей, которые могут их сдержать. Нет людей, которые могут сказать им: «Ты че, дебилка?» Когда таких людей нет, появляются подобные отбросы.

– Может быть, еще не все потеряно…

– Я вас уверяю, это все, – ответил Рустам. – С этой точно все. Ей тридцать лет, зовут Вера, и она на дне уже лет пять. Никто не поднимет это дерьмо со дна, оно никому не нужно.

Вера между тем направилась к соседнему столику.

– Смотрите, ее угощают напитком, – сказала Наташа. – Может быть, кто-то умудрился разглядеть… О боже, он – что?!

Наташа закрыла глаза руками. Вера, получив недопитый напиток, рассыпалась в неуклюжих благодарностях, нагнулась и полезла под стол со смущенной улыбкой. И получила внушительный пинок прямо в лицо. Она кубарем откатилась от стола, упала на спину, растянулась и заплакала. Из носа текла кровь. Наташа подскочила, но Рустам схватил ее за руку.

– Сидите, ему помогут.

Наташа не сразу поняла, почему Рустам сказал «ему помогут», а не «ей». И тут до нее дошло. Да ведь это мужчина! Она пригляделась – и правда, мужская фигура, хоть и заплывшая жиром. Вера задрала голову, чтобы остановить кровь, и Наташа увидела внушительных размеров кадык.

Судя по всему, Вера в клубе был не один. Не успел он закричать, как к нему подбежали три аналогичные дивы, соскребли с пола пострадавшего, плюнули в сторону столика с разъяренным мужчиной и потащили Веру к лавочкам.

– Я просто хотела его отблагодарить! – выл Вера.

– Господи, с меня хватит, – сказала Наташа. – Рустам, спасибо за кофе, я поеду.

– Это жестокий мир, – улыбнулся Рустам. – Я вас подвезу.

– Нет, спасибо.

– Это не обсуждается.

– Вы можете проводить меня к машине, а дальше я сама.

– Договорились.

Рустам проводил Наташу и сунул свою визитку.

– Если захотите еще одну экскурсию, я готов вам ее организовать, – сказал он.

– Спасибо, – улыбнулась Наташа. – Вы очень милый.

Она уехала, а визитку спрятала в кошелек. На ней было написано: «Рустам Харетдинян» и номер телефона. Этот человек, видимо, либо имел два набора визиток – для бизнеса и для личных целей, либо не имел никаких дел вообще, паразитируя на чьих-то деньгах, скорее всего, родительских. Наташа не обманывала себя, она понимала, что этот человек опасен своим спокойствием, и вместо успокоения от посещения клуба она сделала себе только хуже.

…И вот сейчас, сидя за столом напротив дочери, уплетающей яичницу с ветчиной и помидорами, Наташа пыталась выглядеть бодрой и выспавшейся. Как будто не было этой ночи, как будто она спала в своей кровати и не ездила в тот клуб, не видела все то, что видела, и не познакомилась с Рустамом. Наташа знала, что эту ночь Катюша провела с ним.

И он сделал с ее Катюшей это – разбитая губа, синяк на плече, который дочь даже не пыталась скрыть: надела майку на бретелях. Наташа не представляла, при каких обстоятельствах все это было получено, и не хотела этого знать. Но она знала, что в случае чего у нее есть кому звонить. Она теперь знает, где искать дочь. Но надеяться на то, что Рустам остановит ее малышку от падения, не было никаких оснований. Ее дочь совсем одна в этом жестоком мире, и она,

Наташа, – мать, которая все понимает и принимает, – никак не может помочь ей. Она просто не сможет поймать свою малышку у той пропасти, куда скатились такие, как ночной Вера. Она просто не успеет.

Или она уже опоздала?..

Игорь

Едва ли все дело в записке, но Игорь отчего-то был твердо убежден, что дело именно в ней.

А еще мама со своей Икеей!

– Мам, я не собираюсь ехать завтра в Икею, – раздраженно ответил Игорь. – Завтра я собираюсь как следует выспаться, а потом займусь беседкой. Должен же я ее когда-нибудь завершить!

– Ты отлично справишься со всеми своими делами, – спокойно ответила мама. – Имей совесть, свози мать в магазин. Можно не рано утром, а в обед. А потом занимайся своей беседкой хоть до позднего вечера! Мне нужно купить кучу важных вещей.

– Каких?

– Полку для обуви в баню, кое-что из кухонной утвари и, конечно же, блоки для роллера, которым я, между прочим, каждый вечер чищу твое пальто от кошачьей шерсти! А еще у Кристиночки нет сменного комплекта постельного белья, вчера я обнаружила, что пододеяльничек порвался, а заменить нечем. Я, конечно, зашила, но повезло, что дырочка совсем крошечная. А если бы непригодно было? У нее всего два комплекта. Один в стирке, выбирать не из чего.

Игорь вздохнул. Вот ведь надо было ему показать матери этот гипермаркет, в котором есть все, что человеку нужно и не нужно! Теперь она только и грезит, как найти там то, что может пригодиться в хозяйстве. А учитывая, что с

недавнего времени они живут в своем доме, таких вот необходимых вещей просто миллион! Дом постепенно обрастает барахлом. Цикл жизни барахла таков: сначала оно попадает в спальни, затем опускается в гостиную, потом в сад или другое место на улице и, наконец, пакуется в короба – и в гараж до лучших времен. На его место приобретается новое. Но мама так самозабвенно этим занимается, что у Игоря не хватает духу ей запрещать. Тем более что за границы разумного она не выходит.

Разве что с драценами, которых купила аж тридцать штук, потому что была распродажа и один цветочек в горшке стоил всего 49 рублей. Но не жадность ее сгубила, а слова продавца, который, завидев интересующуюся старушку, как бы между прочим обронил: «Если цветы сегодня не продадут, все уничтожат». Такого кощунства сердобольная мама выдержать не смогла. Теперь эти драцены стоят везде – и на подоконниках, и в бане, и в сараях, и даже на летней веранде: примерзшие, но живые.

– Только на этот раз без жалостных взглядов, хорошо?

– Конечно-конечно!

Хотя как можно было обойтись без взглядов, Игорь не понимал. Мама только и делала, что заботилась о доме с самого их переезда сюда. Хоть и случилось это не так давно: много времени ушло на то, чтобы сначала осознать необходимость в Марине на ежедневной основе, а потом уговорить ее переехать в Москву из Иркутска, где она жила со своим нуждающимся в ухаживании отцом.

А потом была целая эпопея с продажей его недвижимости в Москве, примирением с родителями, которых он упрятал в дом престарелых под предлогом, что им там будет лучше…

Но в конце концов появление Марины и ее отца в его жизни расставило все по своим местам. И вот они всем своим огромным семейством вселились в этот шикарный подмосковный дом, чтобы счастливо жить. Игорю уже хотелось закончить бесконечный ремонт и благоустройство, он считал, что больше ничего делать не нужно, но мама все никак не могла остановиться.

Он поцеловал маму и вышел из дома. Маринина машина стояла в гараже, а Игорь припарковал свой новый автомобиль под навесом – выезжая из гаража, он

обычно производил много шума и возни, да и времени это отнимает много, хотя гараж рассчитан на две машины.

Уже покидая поселок, Игорь вспомнил, что не написал жене традиционное послание. Обычно они оставляют друг другу милые записки на зеркале в ванной, Марина специально приспособила там блок со стикерами и карандаши.

С тех пор, как у них родилась дочка Кристина, Марина сидит дома. Роды были сложными, а начались прямо на концерте, куда Игоря пригласили вместе с женой. Они поехали в роддом, рискуя родить прямо в машине, но все оказалось не так просто. Кристина была упертой даже в животе у мамы и не собиралась покидать свою обитель. Роды продолжались шесть часов, Игорь стоически пытался не терять сознание от страха и увиденного, держа жену за руку. Но все же дважды находил себя на полу.

Кристина родилась и сию минуту же разразилась недовольным криком, к радости врачей и родителей.

Когда малышку привезли в дом, случилось невероятное: Игорь увидел не просто своего отца, который категорически не хотел общаться и даже выходить из своей комнаты, когда Игорь был дома, – он увидел улыбающегося отца! Столько радости и живейшего интереса в нем не было никогда! Новорожденную Кристину с первого дня опекали два дедушки, бабушка, мама и заметно потолстевший котей Чебурек, которого они взяли, как только переехали в этот дом.

И только Игорь боялся оставаться с дочерью один на один. Его захлестывал панический страх: он уронит малышку, сделает ей больно, от неловкости свернет ей шею или еще что. Нет, нет и нет! С дочкой на руках Игорь или сидел, или лежал, но не вставал и – упаси боже! – не ходил. Марину это ужасно веселило, и когда ей хотелось отделаться от мужа, она оставляла дочь у него на груди и убегала заниматься своими делами. Игорь лежал не вставая, гладя свою дочурку по щечкам и целуя вкусно пахнущие махонькие ладошки и пяточки.

Конечно, страху способствовали обстоятельства: у Кристины было много рук, жаждущих ее подержать. Если бы помощников у Марины не оказалось вовсе, то Игорю пришлось бы побороть свой страх. Но пока вроде проносило.

«Черт, – подумал Игорь, – ничего хорошего из этого дня не выйдет, если я забыл про записку!»

И как подтверждение – звонок на мобильный телефон от нового босса.

Своего нового начальника Игорь не любил, да и не должен бы, конечно, но уж очень этот сопляк его раздражал. Моложе Игоря на пять лет, предельно вежливый, тактичный, общается исключительно на «вы», никогда не повышает голос, предпочитает писать письма, а не звонить. А еще вид у него какой-то пришибленный и вечно удивленный, как будто он только что родился и не может понять, что происходит вокруг. Получать указания от человека, который, казалось, еще не проснулся, было неуютно и странно.

– Игорь, доброе утро!

– Доброе утро, Валентин Леонидович, – вежливо ответил Игорь и улыбнулся, как учила его Марина.

Марина вообще плотно взялась за него, особенно за его стиль общения, повторяя, что нельзя всем своим видом сразу демонстрировать, что собеседник в глазах Игоря – неинтересное существо, которое можно только презирать. Игорь пытался возразить, что не все его собеседники достойны презрения, но Марина была категорична: «Но выражение лица у тебя всегда такое! И голос… Попробуй улыбаться, даже когда говоришь по телефону, так голос будет чуточку теплее!»

– Не заезжайте в офис, – велел Валентин Леонидович. – Отправляйтесь сразу на место происшествия. Готовьтесь к худшему – убили министра юстиции прямо в его кабинете. Дело ваше, но к нему обязательно попробует присоединиться ФСБ. Смотрите по обстоятельствам, если это будет действительно их юрисдикция, то не мешайте. Если нет, то занимайтесь спокойно. Докладывайте, пожалуйста. И поаккуратнее с журналистами: лучше, чтобы они писали в нашу пресс-службу и комментарии брали там.

– Вас понял, – ответил Игорь. – Еще распоряжения будут?

– Нет, жду от вас информации.

Игорь отключил телефон и выругался. Теперь точно никакой Икеи и беседки не будет! А будет огромная шумиха, пресса и все сопутствующее такому громкому делу! После завершения дела Джейсона МакКуина Игорю совсем не хотелось вновь становиться лицом, вовлеченным в медийное пространство. Тогда он отделался лишь несколькими публикациями, если не считать слов благодарности от самого МакКуина на концерте в Москве; здесь же он точно не избежит детального разбора каждого своего шага.

Игорь позвонил Полине Ковалевой, судебно-медицинскому эксперту, и Лешу Самохвалову, криминалисту. Полина была уже на месте, а Леша обещался быть в течение получаса. Команда, можно считать, в сборе, остались опера – Игорь очень рассчитывал, что ему на это дело дадут толковых, но выбирать не приходилось. Позиция нового босса насчет оперов из МВД очень категорична: руководство на месте в состоянии решить, кого и куда отправлять, «просить» мы больше не будем.

Ну, не будем, значит, не будем.

* * *

Вход в здание Министерства юстиции на Житной улице осаждали журналисты. Пузатые микроавтобусы с логотипами телекомпаний создавали толчею и не пропускали экстренные службы. Журналисты настраивали камеры, стоял галдеж.

Событие мирового масштаба – убийство министра юстиции России – привлекло всех.

Незамеченным Игорю проехать не удалось, несмотря на его неприметную машину серого цвета. Он въехал на закрытую парковку здания министерства по своему удостоверению, что не укрылось от глаз журналистов одной известной телекомпании. С криком: «Наконец-то следователь приехал!» к его машине кинулись репортеры.

Место на парковке было у самого забора, и Игорю пришлось крепко сцепить зубы, чтобы не ответить что-нибудь грубое на все то, что орали через решетку журналисты.

– Это тот следак, который вел дело МакКуина!

– А вы чего так рано? Тело еще не остыло!

– Игорь, скажите, какие комментарии у вас есть?

Игорь отвернулся от вспышек фотокамер и надел кепку. Начинался мелкий дождик, и ему не хотелось намочить голову. Больше всего на свете Игорь ненавидел свои мокрые волосы, по которым вода стекает прямо на лицо.

Нелюдимость Игоря отчасти позволяла ему не здороваться вне рабочей зоны. Поэтому он спокойно прошел мимо курящих возле «бобиков» людей из службы спасения и криминалистов. Завидев красный «Опель», Игорь протиснулся мимо машин, чтобы поприветствовать Лешу Самохвалова, с которым у него были налажены нормальные отношения. А если быть точнее, они здоровались.

– Привет, – сказал Игорь и пожал протянутую руку. Леша был очень немногословен и предпочитал выбирать – либо поздороваться за руку, либо вербально. Игорь это хорошо понимал.

Леша забрал с заднего сиденья свой рабочий чемоданчик, натянул на голову шапку, и они двинулись к ведомству.

У здания уже дежурили сотрудники ФСБ, ограничивая людей на вход и выход.

– Пока не зафиксируем каждого человека, который находится в здании, никто не выйдет; девушка, я вам русским языком это сказал полчаса назад! – терпеливо объяснял мужчина без формы, но от него на три метро разило – фээсбэшник.

– Ну так зафиксируйте меня и выпустите! У меня самолет через два часа!

– Два часа? Так вы опоздали уже, чего переживаете? Вы ни за что на свете не доберетесь до аэропорта вовремя. Так что успокойтесь и в порядке очереди подойдите вон к тому сотруднику, он вас зафиксирует…

Игорь с Лешей спокойно прошли через металлоискатель, охранник на входе записал данные их удостоверений и указал на лифт.

Кабинет министра юстиции находится на двенадцатом этаже. Охранник проводил их к лифту и сказал, что дальше они справятся сами, так как весь этаж оцеплен. У лифта их встретили, еще раз удостоверились, что Игорь и Леша сотрудники органов, и проводили до кабинета, в котором вообще никого не было.

Тело министра находилось в том же положении, в котором его нашла секретарь Мария Сергеева. В своем кресле, голова на столе. Лицо повернуто влево, глаза широко раскрыты. Посреди лба – входное отверстие от пули.

– Ну, я тебе тут не нужен, чтобы установить, что это не суицид, – сказал Леша и поставил свой чемоданчик на пол.

– Пуля какая? – спросил Игорь.

– Думаю, калибр 8. А где все?

– А кто тебе нужен?

– Я могу уже тело трогать или нет? – спросил Леша.

– Можешь, – ответил Игорь. – Только не перемещай. Оружия не видно?

– Не-а, не вижу.

Они осмотрели место преступления. Кабинет был небольшим, стол у окна, рядом с ним приставка для совещаний на пять человек: двое по бокам и один напротив министра. Шкаф под черное дерево со стеклянными дверцами, за которыми стояли книги и несколько папок с документами. На полу – ковер, который они осторожно обходили.

В кабинете пахло свежим парфюмом и очень сильно порохом.

Леша осмотрел тело и стал искать отпечатки пальцев на поверхностях.

– А вот и вы! – раздался бодрый голос сзади. – Доброе утро!

Игорь обернулся. В дверях в белом халате поверх красивого черного платья стояла, улыбаясь, Полина Ковалева – молодой, но опытный судебно-медицинский эксперт.

– Привет, – буркнул Леша.

– Доброе утро, Полина, – поздоровался Игорь и даже вымучил улыбку. Марина учила его улыбаться по-другому: открыто и поднимая голову, но он пока научился только так, исподлобья. – Ты уже закончила здесь?

– Нет, я только зафиксировала все, что мне было нужно.

– Время смерти?

– Как и утверждает свидетельница, между восемью и восемью двадцатью утра сегодняшнего дня. Леша, там очень много отпечатков на глазах – видимо, кто-то усиленно пытался их закрыть.

– Ты это как определила? – спросил Леша.

– Есть свои способы, – ответила Полина. – И я хочу вам еще кое-что показать.

Она подошла к телу, взяла министра за руку.

– Вот, смотрите сюда, на запястье, где начинается кисть, видите?

Игорь наклонился поближе. Вдоль запястья шел след, как будто рука была перетянуто веревкой. Слишком тонко для наручников, слишком толсто для нитей, которые сейчас модно носить – преимущественно красного цвета из шерсти. Вроде как это приносит удачу, богатство и еще как-то связано с каббалой.

– Предположения?

– Я как раз проверяла свою догадку, и это уже не предположение, а факт – это след от силиконовой нити, очень прочной. Такие используются для фиксации

вместо наручников.

– Наручники? Кому потребовалось заключать в наручники министра? – спросил Игорь.

– Ну, это за пределами моих возможностей, – с улыбкой ответила Полина. – Я могу лишь зафиксировать факт.

– Гильза была здесь? – спросил Леша.

– Нет, гильзу ни я, ни коллеги не нашли. Как и оружие. Но следов много, это уже хорошо.

– Свидетельница наша где?

– Сидит в кабинете заместителя министра. Девушка в шоке. А замминистра на работе к тому моменту не было, и в здание его не впускают.

– Почему?

– Потому что в ФСБ четко установили, что убийство связано с профессиональной деятельностью министра, и взяли расследование на себя. А вы же знаете: если они берут расследование, то все вокруг начинают дышать только по их разрешению.

Да, Игорь знал о таком подходе некоторых фээсбэшных следователей. Много пафоса, мало толку – личное мнение Игоря об их службе. Но сделать объективный вывод ему не из чего, их дел он не знает, результаты не оценивал.

– И где же наши доблестные противники? – спросил Игорь. – Я вот на месте преступления сейчас скрою все следы, и хрен что они раскроют.

Полина улыбнулась и сказала:

– Игорь, этот вопрос тоже не ко мне. Ты же знаешь, наша служба – как проститутка: нам хоть фээсбэшный ты следователь, хоть следственного комитета, один черт – все равно мы будем тело оформлять. Я забираю тело?

– Подожди, Леша еще снимки не сделал.

– Я сделала отличные снимки, – сказала Полина, щелкнув телефоном. – И даже уже отправила их тебе на почту.

Игорь улыбнулся. Давняя борьба между криминалистами и судмедэкспертами не прекратится, наверное, никогда. Еще несколько лет назад кто-то из этого здания заикнулся, что неплохо было бы сократить судебно-медицинскую экспертизу и передать их в управление криминалистов. Услышав это, судмедэксперты стали более детально погружаться в изучение трасологии, баллистики, дактилоскопии, как бы демонстрируя, что после объединения сокращать нужно будет именно криминалистов.

– Пусть все же Леша сделает, – сказал Игорь.

Леша, все это время стоявший с фотоаппаратом наготове, сказал:

– Спасибо. А теперь уйдите из кадра.

* * *

Секретарь министра Мария Сергеева – молодая блондинка в строгом синем брючном костюме, с модной стрижкой-каре и огромными наращенными ногтями, которыми она выуживала из коробки с изображением улыбающегося котенка пятый по счету бумажный платок.

– Я захожу к нему в кабинет… А Дмитрий Иванович лежит… Глаза так широко открыты… Вы видели, что он смотрит прямо на вошедшего?! Ужас, ужас! Мне стало очень нехорошо, я сразу все поняла, сразу!.. Я поняла, что он умер!

«Ну конечно, ведь посреди лба огромная дыра, – подумал Игорь. – Тут надо быть блондинкой с очень длинными волосами, чтобы подойти к нему и спросить, не устал ли он».

Пришедшая в голову мысль Игорю отчего-то не понравилась, но сложить в уме два плюс два и понять, что с тех пор, как он женатый человек, сексизм начинает

ему претить, он не смог.

– Вы слышали что-нибудь? Видели кого-нибудь? – спросил Игорь.

– Нет, ничего не слышала, никого не видела! Я получила сообщение от Дмитрия Ивановича в семь тридцать шесть, чтобы по приходе сразу же зашла к нему, но зачем, он не написал. Мы переписываемся с ним в чате, нашем, министерском.

– Расскажите все по порядку, – попросил Игорь, – с того момента, как пришли.

– Хорошо. – Она прикрыла глаза, прочистила горло и сказала: – Я зашла в кабинет в восемь утра, может быть, чуть раньше. Дверь была закрыта, но я знала, что он там, потому что в приемной горел свет. Обычно Дмитрий Иванович не запирает дверь, и я иду здороваться с ним, сразу спрашиваю, какой кофе он будет – черный или латте, или, может быть, декофеинизированный. У него были проблемы с давлением, и если оно было высокое, то он предпочитал напитки без кофеина. Но сегодня дверь была заперта. Такое случается нечасто, и я знаю, что это означает – он не хочет, чтобы его беспокоили. Я сняла пальто, повесила его в шкаф, запустила кофемашину, включила компьютер, открыла почту. Компьютеры у нас не то чтобы очень современные и оперативные, и потребовалось минут пять, чтобы начать работать. Я видела, что пришло сообщение в министерском чате, но открыла его только после того, как чат отвис и стал нормально работать. К Дмитрию Ивановичу в кабинет я пошла сразу же, как прочла сообщение.

Игорь сверился с записями, которые ему передал оперативник. Согласно служебному журналу регистрации сотрудников на вход, Мария Сергеева вошла в здание в 7 часов 53 минуты. До кабинета она добралась за четыре минуты – видимо, особенно не торопилась. На камерах видеонаблюдения зафиксировано время прибытия девушки на этаж: 7 часов 56 минут. До кабинета ей оставалась одна минута.

На видеозаписи также зафиксировано время, когда она вошла в кабинет министра – 8 часов 08 минут.

Согласно тому же журналу посещений, сам министр вошел в здание в 7 часов 27 минут. В свой кабинет он зашел в 7 часов 32 минуты, закрыв за собой дверь. И больше никто туда не входил и не выходил. Следующим, кто открыл дверь

кабинета, была Мария Сергеева.

Преступление было совершено между 7 часами 32 минутами и 8 часами 08 минутами. Возможно, с 7:36, если сообщение действительно написал министр, а не убийца. На все про все тридцать две минуты.

Как убийца проник в кабинет и не попал на запись камер, которые висят гроздьями и в коридорах, и даже в приемных? Как он беззвучно убил министра? Если убийство произошло с момента прихода секретаря, то даже с глушителем она бы услышала шум – выходит, убийство совершено до ее прихода, то есть до 7:56. А это значит, что у убийцы было всего 24 минуты. И где он прятался в кабинете, если министр смог написать сообщение? Или министр не переживал по поводу присутствующего человека? Если все-таки прятался, то у убийцы было еще меньше времени, ведь министр в 7:36 написал сообщение секретарю. У убийцы было ровно двадцать минут. Чтобы уложиться в это время, нужно не просто спланировать преступление, нужно его продумать до мельчайших деталей: проникнуть, спрятаться, совершить выстрел, убрать гильзу, стереть следы, уйти.

Зачем убивать министра прямо в кабинете? Почему нельзя было сделать это у него дома, на улице?.. Да где угодно! К чему эта демонстрация? Чтобы показать, что убивают не человека, а именно министра? Посыл убийцы понятен, вот только насколько это правда?

И самое главное: как убийце удалось покинуть кабинет незамеченным?

Наташа

– Мам, а если СМИ об этом напишут? – спросила Катюша.

– Почему СМИ должны об этом написать?

Вопрос был риторическим. Наташа и сама знала, что СМИ напишут, по-другому просто невозможно. Странно, что еще не написали, Наташа проверяла – только сообщения о смерти министра.

Убийство министра юстиции вызовет общественный резонанс, это к гадалке не ходи. Следователи перероют вообще все, что касается его жизни. И их тайная связь всплывет. Этого может не произойти только в одном случае – если министр умер, будучи в команде сильных мира сего. Тогда его посмертно могут спасти, тогда могут не поливать позором ее, Наташу, и жену министра не обзовут рогатой дурой и не обсмеют на весь мир. Репутационные риски Наташа оценила давно и знала прекрасно: в случае чего виноватым Дима не будет. Да, прецеденты случались, когда вину свалили на мужчину, но это другая страна, другие нравы. В России любовницы хуже проституток, а обманутые жены – жертвы (а за глаза – рогатые дуры).

Остаток дня дочь провела у себя в комнате, а Наташа отвечала на письма. Она работала из дома, и всем в офисе все было понятно. Она никому ничего не обязана объяснять. Пришло несколько сообщений от друзей, а после ужина, когда Наташа уже проверила уроки у Костика и разрешила ему поиграть в комп, позвонила Маша, ее подруга.

Единственная, кого она может назвать своей настоящей подругой.

Они обе были успешными в карьере и одинокими в личной жизни. У Маши не было мужа, не было даже любовника, она жила весьма вольно и не позволяла никому быть рядом с собой дольше, чем бы ей самой этого хотелось.

– Привет, дорогая моя, как ты?

– Привет, Манюня, – ответила Наташа, – держусь.

Вот ведь странное дело. Когда она говорила с коллегами и даже с детьми, ее голос не дрожал, она держала себя в руках. Когда же позвонила Манюня, в горле встал ком, и стало сразу как-то трудно дышать.

– Я закончу через пятнадцать минут и приеду к тебе.

– Не стоит, Маш, поезжай домой, отдохни. Я знаю, сколько у тебя дел.

– Конечно, стоит, – ответила Маша. – Ты чего-нибудь хочешь? Привезти тебе чего-нибудь?

– Нет, спасибо. У меня все есть. Ты точно хочешь приехать?

– Точно хочу, – подтвердила Маша. – И буду совсем скоро.

Наташа повесила трубку и расплакалась. Тихо так, как будто боялась, что ее кто-то услышит. Но кто? Костик? Он занят «игрушкой», и вокруг для него не существует ничего до тех пор, пока Наташа не снимет с него наушники и не велит ложиться в постель. Катюша? Она уже давным-давно спит. А больше в этом мире Наташа никому не нужна. Есть только Костик, Катюша да Манюня. Конечно, ей очень бы сейчас хотелось, чтобы Катюша проявила заботу и не отходила от нее, но обманывать себя Наташа не умела. У них не было с Катюшей настоящих доверительных отношений, только показные. Катюша воспринимала мать как подругу, с которой нужно дружить, потому что это выгодно. Ни о каких важных человеческих связях речи уже давно не шло.

Наверное, было бы лучше, если бы Наташа просто ничего не знала и понимала, что у Катюши есть какая-то личная жизнь, которую дочь с ней не обсуждает, но в остальном они были бы предельно откровенны. А эта показательная откровенность для них обеих только разрушительна. Почему Наташа пришла к такому выводу? Потому что она работала журналистом, руководила целым штатом журналистов и понимала, что значит «ядро сюжета», чем оно важно и чем журналистская статья отличается от студенческого сочинения. В статье всегда есть корень проблемы, который вскрывают, объективно разглядывают и рассказывают об этом всем, а не просто фиксируют то, чем этот самый корень прикрыли.

О каких доверительных отношениях между матерью и дочерью может идти речь, если Наташа считала, что ни одна мать не вправе смотреть на то, как ее ребенок катится вниз, набирая скорость? Как и ни один друг не вправе молчать, когда видит такое.

А они об этом не говорят. Но ведь что-то нужно сделать! Нужно вскрыть этот нарыв, обсудить это, убедиться, что все под контролем, укрепить слабые места и восполнить пробелы… Но нет, не в их случае. Они на самом деле превратились просто в добрых соседей, которые говорят о бытовых вопросах и молчат о том, о чем действительно нужно говорить.

Когда приехала Манюня, Наташа уже выпила порцию виски. Ей страшно захотелось янтарного пойла с сухим льдом, чтобы не разбавлял крепость. И едва первые холодные струйки потекли в горло, она почувствовала, как отпускает. Сжимавшие горло тиски расслабляются, и потихоньку наружу выходит тугой ком.

– Привет, родная, – сказала Манюня, войдя в квартиру. У нее был свой комплект ключей от квартиры Наташи, и она ими воспользовалась. Такая была договоренность – после десяти в гости только со своими ключами, чтобы не будить детей.

Манюня заключила Наташу в объятия и крепко сжала.

– Ты ужинала? – спросила Наташа.

– Умираю от голода, – призналась подруга. – У тебя есть чего поесть?

– Конечно, я же приличная мать, – сказала Наташа.

Слезы, стоящие в глазах, хлынули. Какая она мать? Она ничто. Наташа тряхнула головой и ушла на кухню, Манюня пошла следом, помалкивая.

Они не раз говорили об их отношениях с Катюшей, и Манюня знала правду. Она всегда кидалась на помощь Наташе, когда та не могла найти дочь, но исправить ничего, как и Наташа, не могла. Манюня не одобряла Наташин подход и высказывалась по этому поводу неоднократно. Но всегда помогала, когда Наташе требовалась ее помощь.

В этом и заключается настоящая дружба, считала Наташа.

– Она опять дома не ночевала? – спросила Манюня, усаживаясь за стол.

– Не ночевала, – подтвердила Наташа. – Но сейчас спит.

– Как обычно? С разбитой мордой? Или что похуже?

Наташа кивнула.

– Не как обычно. Видимо, они долго не встречались, она давно не приходила в таком состоянии. А сегодня опять… Старые вещи, о которых я уже забыла, разбитая губа. Хромает. На плече синяк. Ты знаешь, я вчера ездила в клуб…

– Зачем?

– Переживала, – коротко ответила Наташа. – Я видела ее. Я даже говорила с тем человеком…

– О чем?

– Не о том, о чем ты подумала. Я не знаю, чего и сколько мне нужно выпить, чтобы задать вопросы, которые сейчас в твоей голове. Он не знал, что я мать Катюши. Я представилась сотрудницей агентства, которое подыскивает место для проведения мероприятия…

Наташа рассказала Манюне о посещении клуба и повторила разговор с Рустамом. Умолчала только о том страшном для нее случае с бедным мужчиной, который получил в лицо ногой, сказала, что увидела достаточно, чтобы переживать еще сильнее. Манюня молча выслушала и сказала:

– Наташа, пожалуйста, давай прекратим это. Раз и навсегда. Поговорим с ней. Обсудим. Объясним все риски…

– Ты думаешь, Катюша о них не знает?

– Я думаю, они для нее кажутся событиями из параллельной вселенной, – ответила Манюня. – Катюша о них знает, и, возможно, у нее даже есть такие знакомые. Которые пострадали. Но едва ли она всерьез считает, что такое может случиться с ней.

– Ты так думаешь?

– Я в этом почти уверена, – ответила подруга. – В любом случае, если не поговорим, никогда не узнаем.

– Манюня, но ты ведь знаешь…

– Да, я помню, дорогая, – ответила Манюня, ее голос звучал мягко. – Ты выбрала для себя быть мамочкой номер один. Но я твоя подруга, а не соседка в поезде, я не могу просто так смотреть на это все. Это неправильно. Ты обязана помочь своему ребенку, даже если он об этом не просит. Ты просто обязана это сделать. Ведь ты – мать. У тебя не только право, но и обязанность.

Наташа молчала. Она не знала, что сказать. Да, она должна. Но как? Как сказать то, что, возможно, разрушит этот иллюзорный мир? Что, если Катюша не сможет простить ее? Что, если не сможет жить по правилам? Что, если ей не понравится ограничить себя в том, в чем нормальные люди себя даже не видят? Что, если она уйдет из дома? Возможно, для кого-то эти вопросы кажутся глупыми и надуманными, но для Наташи они были страшными, практически невозможными. Ни единого отрицательного ответа она просто не переживет. У нее просто не получится. Не получится, и все.

– Ладно, давай оставим эту тему, – сказала Манюня, почувствовав напряжение подруги. – Скажи мне, что будем делать с твоей бедой? Ты будешь с ней общаться?

– С кем? С его женой?

– Да.

– Зачем? – не поняла Наташа.

– Затем, чтобы обсудить деликатные вопросы на всякий случай.

– Ты имеешь в виду деньги?

– Да. Там ведь и твои деньги тоже.

– Я с ними давно простилась.

– Не говори глупостей. Там есть твои деньги, и тебе обязаны их возвратить. Ты не была спонсором, ты их заняла.

– Меньше всего сейчас меня заботят деньги, – ответила Наташа. – Что мне делать, Манюня?

– Уточни вопрос, я не совсем понимаю.

Наташа посмотрела на подругу с удивлением. Что можно не понимать сейчас? Конечно, она говорит о том, что и как будет дальше. Сейчас, когда Дима мертв, ее бизнесу придется несладко, возможно, очень несладко. Большинство проектов могут накрыться из-за отсутствия информационных поводов, не говоря уже об эксклюзивных новостях, которые Наташа продавала за границу. Но больше всего ее сейчас тревожило то, что многие считали, что министр и Наташа были любовниками. Больше того, некоторые даже считали, что Костик – сын министра. Именно этот слух может быть громко сказан и правда может выплыть наружу. Но никто и никогда не должен узнать настоящую правду. Это просто убьет Наташину семью, это уничтожит будущее Костика. Наташа готова была взять на себя любые последствия, лишь бы не допустить, чтобы правда всплыла.

Наверное, Манюня права: придется встретиться с женой Димы и обсудить этот вопрос. Возможно, они придумают выход. Может быть, этот выход окажется странным, непонятным и даже неправдоподобным, но должна быть официальная версия. Если ее не будет, быть беде. Этого Наташа допустить не могла.

– Дима был моим информатором, Манюня, а сейчас должность министра получит его заместитель. Скорее всего, он и останется у власти, но к нему у меня нет ни единого подхода. Я не знаю, как мне вернуть этот источник…

– У тебя не один проект, – напомнила Манюня. – Ты можешь сейчас развивать свои другие проекты и отправить Игоря Драцкого в небольшой отпуск. Я уверена, что со временем ты найдешь новый источник…

Игорь Драцкий – псевдоним, под которым Наташа писала свои статьи на основе информации, полученной от министра.

Наташа достала из микроволновки разогретую запеканку из макарон с сыром, налила подруге сок и поставила тарелку и бокал перед ней.

– Манюня, для того чтобы найти новый источник, нужно быть там. Нужно сидеть в министерстве и преданно заглядывать кому-то в глаза. У меня нет входа в это здание. Единственным моим источником был Дима. Он давал информацию за несколько дней до события, и мы успевали подготовить выверенный материал, а люди думали, что Игорь Драцкий такой проницательный, почти прорицатель… Ведь статья выходила в день события и содержала не только достоверные подробности, но и глубокий, подготовленный анализ. Где сейчас мне искать этот материал, я не знаю.

– И есть еще обратная сторона этой медали, – сказала Манюня, поедая запеканку. – Умер министр, ушел Драцкий. Как бы чего не заподозрили…

– Я об этом не подумала, – сказала Наташа. – А ведь ты права. Ситуация еще хуже. В издательских кругах знают, что Драцкий – это я. Это еще быстрее запустит машину со слухами. Черт, Манюня, что делать?!

– Не паниковать, – ответила Манюня. – Мы что-нибудь придумаем.

– Что, например?

– Мы найдем новый источник.

– Но как?

– Позволь мне помочь тебе. Завтра с утра я поеду в министерство и попробую прошерстить там людей. Рука руку моет, ты же знаешь, у меня куда меньше пяти рукопожатий до президента. Спасибо за ужин, я остаюсь у тебя.

Наташа вымыла посуду и выдала подруге ночнушку. Они легли в постель, и вскоре Манюня уснула, а Наташа еще полночи ворочалась. Она не чувствовала скорби, грусти или чего-то такого щемящего. Она не могла сказать, что Дима был плохим человеком, но ей совсем не жаль его. Нет, не так.

Вероятнее всего, Дима был хорошим человеком, но их связывали совершенно другие отношения. Эти отношения не давали ей грустить и скорбеть о нем как о близком человеке или просто очень хорошем знакомом. Сейчас, когда прошло столько лет, их связывали только отношения «источник – журналист», а о той,

настоящей, давней связи, она почти уже и забыла. Нет, снова не так – правила себя Наташа-журналист. Эту связь оборвать невозможно. Прошлое навсегда остается в нас, его нельзя выбросить, его нельзя забыть. Оно внутри, сидит и греется среди других воспоминаний. Она не забыла, никто не забыл. Просто это притупилось, запорошилось пеплом жизненного, важного и не очень, но в ворохе шелухи оно по-прежнему сидит и издает тихое вибрирование, как опасная рептилия. Невидимая, но опасная. В любой момент она выпрыгнет и нанесет молниеносный смертельный укус.

Но больше всего сейчас ее волновало будущее Катюши. Тревога усиливалась с каждым днем, и Наташа не могла отделаться от мысли, что, может быть, все гораздо хуже, чем она способна представить себе. Больше всего она боялась, что уже упущено время и ничего исправить нельзя. И ей только и останется смотреть, как ее ребенок, скатившись вниз, находит пропасти еще глубже, пропасти, из мрачных глубин которых Наташа вскоре не услышит даже голоса дочери…

* * *

Утром она приехала на работу, чтобы разобраться с редакционными делами. Но материалы были не готовы, народ напуган, вокруг царили паника и хаос. Соединив в голове два события – смерть министра и исчезновение Наташи на два дня, – ее подчиненные впали в панику. Тихую, молчаливую, но все же панику.

Включив рабочий компьютер, Наташа первым делом проверила почту. Как и ожидалось – десятки писем, запросы, комментарии, а кто-то отправлял даже соболезнования. Она открыла пару писем и поняла, что Катюша была не так уж и неправа – одно письмо пришло от главного редактора газеты, с которой Наташа больше не сотрудничает. В их письме было про трагическую смерть, унесшую близкого родного человека. Значит, слухи все-таки ходят. Ну что же, придется ждать и отбиваться. И встретиться с его женой тоже придется. Иного выхода Наташа не видела.

– Я хочу, чтобы вы все взяли себя в руки и прекратили паниковать, – сказала она своим сотрудникам. – Все, кто разводит панику и сеет слухи, будут немедленно уволены. Все, что произошло с министром, никоим образом не отразится на нашей с вами работе. Поэтому, будьте так добры, навострите перья – и за

работу. Я в ужасе от того, как вы тут трудились, пока меня не было!

Ее помощник, Рома Рязанцев, был старшим специалистом в ее офисе и выполнял функции Наташи в ее отсутствие. Она оставила Рому в кабинете, выпроводив всех.

– Рома, ну что ты за заместитель? Почему ничего не готово?

– Наташа, совершенно нет материала! Все, что касалось не новостных материалов, мы подготовили, я загрузил в базу, ты можешь ознакомиться. И кстати, там висят два материала на утверждении, которые сегодня нужно отправить в печать. Посмотри их, пожалуйста, прямо сейчас. Из редакции уже звонили не раз и даже не два.

– Надо было выслать им черновики, а утвержденный материал попозже, с выделенными правками, ну что ты, первый раз замужем, что ли?

– Я так и сделал, они ждут финальную версию, – ответил Рома почти обиженно.

Наташа кивнула.

– В общем, Рома, о наших проблемах никто не должен знать. В офис звонили?

– Да, звонили и просили передать вам соболезнования. Вот список лиц, которые звонили. Они не стеснялись своих имен. – Сказал Рома.

– Понятно.

Наташа пробежала глазами список из двадцати имен. Только журналисты, причем не из ее лагеря, а «оппозиция», то есть, кто был против публикаций Игоря Драцкого.

– Наташа, все думают, что вы с министром были любовниками. И что он снабжал вас информацией. Вернее, всех нас.

– Чушь!

– Но ведь так оно и было…

– Что так оно и было? Что мы были любовниками? – спросила Наташа.

– Нет, об этом я не знаю, но что он снабжал нас информацией – это точно, – ответил Рома.

– Ты сейчас хочешь что-то услышать? – спросила Наташа. – Спроси напрямую. Были ли мы любовниками? Нет, не были. Никогда. Как понимаешь, и уже не будем. Был ли он нашим источником? Да, был.

Рома поджал губы. Наташа не могла без улыбки смотреть на него. Он был старше Катюши на два года, но, в отличие от ее дочери, Рома Рязанцев был большим умницей. Он соображал быстро, был начитан, грамотен и целеустремлен. У него никогда не было плохого настроения, он не боялся работы и с удовольствием погружался в любые темы в рамках своей профессии. Рома настоящий журналист, и Наташе приятно его учить.

– У тебя есть уникальный шанс ответить мне тем же. Откровенность за откровенность, – сказала Наташа. – Ты работаешь на меня уже третий год, а я не знаю о тебе ничего. У тебя хоть есть личная жизнь? Ты все время в офисе.

Рома посмотрел на Наташу испуганно.

– Наташа, а почему это вас заинтересовало на моем третьем году работы?

– Смотрю я на тебя, такого хорошего парнишку, и мечтаю, чтобы у моей Катюши был такой вот парень, – улыбнулась Наташа.

Она хотела развить эту мысль, но не успела – прервала полиция. Полицейские вошли в кабинет бесцеремонно, словно к себе домой. За ними вбежали растерянные и взволнованные секретарь Наташи и ведущий редактор, отвечающая за производство материалов от имени Игоря Драцкого.

– Добрый день! Наталья Добронравова – это вы? – спросил один полицейский.

– Да, это я.

– Пройдите, пожалуйста, с нами. Вас вызывают на допрос.

– А где повестка?

– Повестка – это мы, – ответил второй полицейский. – Поторопитесь.

Наташа встала из-за стола, взяла сумочку и сказала:

– Рома, утверди статьи сам, под свою ответственность. Даша, – обратилась она к ведущему редактору, – сделайте сегодня все материалы по Драцкому, мне нужно, чтобы вы опубликовали сегодня все. Включая ту статью про министра, которую мы вчера обсудили. Обязательно проверьте все факты, материалы у меня в базе, у Ромы есть доступ. Я скоро.

И вышла вслед за полицейскими, которые услышали ее слова и не очень обрадовались им. На то и был расчет. Ей нужно было оставить за собой ниточку, по которой она сможет вылезти наружу, если ее вздумают запереть в подвале.

* * *

Ее вывели из здания и посадили в неприметный седан с тонированными стеклами. Изнутри улицу было не видно, а спинка переднего сиденья полностью загораживала лобовое стекло – куда везут непонятно. Никто с ней не разговаривал, двое полицейских салютнули встречавшим ее людям в костюмах, передали им Наташу из рук в руки. Буквально передали: одни отпустили ее плечо, другие взяли за плечо и усадили в машину, которая тотчас тронулась.

Они ехали минут сорок, за это время Наташа поняла три вещи: первое – в машине нет связи, видимо, стоят глушители, второе – она не знает, кому можно было бы позвонить, разве что Манюне, и третье – она не боится.

В самом деле, даже если бы работал телефон, кроме Манюни, ей некому позвонить. А что могла Манюня? Судя по всему, ее арестовали или задержали, (как там правильно?) органы власти. И это может длиться до 72 часов без объяснений причин. Но раз это власти, то чего ей бояться? Максимум, что может произойти – ее обвинят в том, что она использовала полученную от министра

информацию. Ну и что? За это должно влететь министру, а он мертв. Ей-то что? Она его не подкупала. Или попробуют впаять административное правонарушение за то, что она была на митинге без удостоверения. Это уже серьезнее, но тоже не трагедия.

И тут ее бросило сначала в жар, затем в холод. А ведь был миллион, который она отдала Диме Шелехову. Был, и как отвертеться в случае чего? Ладони вмиг вспотели, Наташа запаниковала, но быстро взяла себя в руки, закрыла глаза и глубоко задышала.

«Так, успокойся, старая стерва, ты ничего плохого не сделала. Главное в таких ситуациях что? Ну-ка, вспоминай, что говорила Манюня при неожиданных допросах? Правильно, не паниковать. А во-вторых, не давать смешать в кучу факты, позволяя их приукрашать. Нужно старательно разделять каждый факт и рассматривать так, как это было на самом деле, обрывать ненастоящие связи, которыми обрастает рассказ в чужих устах, – и постоянно, методично это делать, не давая допрашивающему сплести свою историю, увязав концы из разных клубков. Ни в коем случае не дать себя запутать и не лгать. Если не знаешь, повредит ли тебе информация, которую собираешься сказать, – скажи, что не помнишь. Да, так отвечают только вруны, но за это не сажают, сажают за ложь, под которую переписывают обвинительные заключения».

Машина остановилась, открылась боковая дверь, и Наташу попросили выйти. Они приехали в какой-то загородный дом: огромный, каменный, как средневековый замок. Наташа даже не могла сориентироваться, в какую сторону ее увезли. Вокруг росли высоченные ели, и воздух был умопомрачительный, аж голова закружилась.

– Вас ждет Артем Леонидович Лукьянов, директор спецподразделения Федеральной службы безопасности, – сказал Наташе человек, который, видимо, ехал вместе с ней в машине, потому что вокруг больше никого не было. Это был мужчина из военных, судя по осанке и взгляду – сосредоточенному, без толики эмоций.

Наташа кивнула и последовала за военным в дом. Она держалась строго, не как арестантка, а как приглашенный эксперт. Ей не верилось, что с ней поступят как-то по-иному, чем она рассчитывает. Скорее всего, это какой-то приватный визит, а не похищение для допроса с пытками вроде игл под ногти. Или утопления в тазу с водой. Наташа надеялась, что если бы с ней хотели сотворить

что-то страшное, ее бы скрутили и ударили по голове хотя бы раз, а не просили бы следовать за собой – так нежно с пленными не поступают. Хотя евреи в годы Холокоста стройными рядами следовали в печь… Наташа отбросила от себя эти мысли и сосредоточилась на дороге.

Помещение было нежилым: вокруг кабинеты, работают люди, никаких покоев, библиотек и столовых, все в коврах и картинах, но обстановка рабочая.

В кабинете, в который Наташу привели, было накурено и очень многолюдно. Люди в форме и в гражданской одежде сидели в креслах, стояли у окон, курили при закрытых форточках и громко что-то обсуждали. Ни одной женщины Наташа не увидела.

– Наталья, добрый день, – сказал кто-то, и все разом замолчали и уставились на Наташу. Она не могла всматриваться в каждое лицо и ловила лица отрывками: у кого-то кустистые усы, у кого-то лохматые седые брови, у кого-то обвислые щеки или очень пухлые губы, кто-то курил трубку, а кто-то даже сигары. – Проходите, располагайтесь.

– Добрый день, – ответила Наташа, стараясь не закашляться. – Увы, не могу, здесь так дымно, что я боюсь задохнуться.

– Проводите Наталью в переговорную, – велел голос, обладателя которого Наташа до сих пор не видела. Все тот же военный велел ей следовать за ним, через несколько поворотов в коридоре раскрыл двустворчатые дубовые двери и впустил ее в переговорную. Судя по всему, это был штаб по управлению каким-то проектом, потому что во всю стену висел плазменный телевизор с надписью NO SIGNAL, а на круглом столе были разбросаны письменные принадлежности и чистые листы бумаги.

Наташа положила сумку на одно из кресел, на другое села сама. В кабинет стали подтягиваться люди, они садились по другую сторону. Наташа напряглась: да, похоже, это будет все же допрос. Но людей набивалось все больше, они стали садиться и на Наташину сторону, отчего она немного расслабилась. Военный принес ей бутылку воды и стакан. Наташа с удовольствием опустошила полбутылки прямо из горлышка.

Наконец в переговорную, до предела забитую людьми, вошел мужчина на очень коротких ногах. Если взять Брежнева и очень сильно, но пропорционально его уменьшить, то получится именно такой человек. Он был в черной форме с желтыми погонами и вензелями, Наташа сосчитала звездочки – генерал-полковник, значит. Да, она видела это лицо. Артем Леонидович Лукьянов не был публичной персоной, но она знала, как он выглядит.

– Еще раз добрый день всем, теперь мы в полном составе, – сказал Артем Леонидович. – Можно начинать. Времени на представления ни у кого нет, опустим эти формальности, скажу сразу, что Наталья Добронравова окажет нам всестороннюю помощь. Докладывайте по обстоятельствам, – велел генерал-полковник Лукьянов.

Наташа сначала испугалась, что докладывать велели ей, потому что Лукьянов не смотрел вообще ни на кого. А что она докладывать-то будет?.. Но тут один из обладателей кустистых бровей включил маленьким пультиком плазму, и на экране появилась фотография покойного Шелехова – именно то фото, которое размещено на сайте министерства в разделе «министр».

– Дмитрий Иванович Шелехов, до девятого марта сего года министр юстиции, в восемь утра был найден убитым у себя в кабинете, – сказал кустобровый. – Официальное следствие ведет несколько версий, ни одна из них не связана с профессиональной деятельностью министра. В части профессиональной деятельности Шелехова выделено несколько уголовных дел, которые расследуются параллельно, и нет оснований сейчас их обсуждать, поскольку достоверной информации нет, и едва ли она будет в ближайшие дни. Сейчас следствие на стадии оформления допусков, изучения материалов. По горячим следам никого взять не удалось, открытых версий нет, показания свидетелей и коллег никаких зацепок не дали. Отдел кодировки готовит полный отчет о контактах министра за последний год, но, по предварительным данным, никакой информации, которая поможет выйти на убийцу, нет. Поскольку руководством страны принято решение сосредоточить следственные силы на версии личных взаимоотношений министра, были проанализированы двести контактов Шелехова: люди, с которыми он связывался более пятидесяти раз. В числе самых частых контактов – госпожа Наталья Добронравова. Нашими специалистами изучена личность госпожи Добронравовой. Разведена, имеет совершеннолетнюю дочь Екатерину Олеговну и несовершеннолетнего сына Константина Олеговича. Установлены контакты министра с дочерью Добронравовой – шесть за последние два года, с Натальей – более четырехсот. Аналитическим отделом ФСБ сделан

вывод о некоем роде семейных отношений, однако официальных данных, подтверждающих или опровергающих эту информацию, нет. В результате санкционированного судом допуска к личным данным министра Шелехова была поднята переписка с дочерью госпожи Добронравовой Екатериной и установлен факт интимной связи между министром и девушкой. Указанная информация изъята и закодирована в хранилищах ФСБ. Судя по информации, оснований убивать министра у девушки не было, их связывали теплые личные отношения. В результате того же расследования были подняты переписка и личные звонки с самой госпожой Натальей Добронравовой, в результате чего установлено, что она неоднократно оказывала Шелехову помощь, в том числе материальную, в частности, в размере одного миллиона рублей несколько лет назад. Однако указанное обстоятельство носило личный характер и не было связано с подкупом или взяткой, это достоверно установлено, в детали вдаваться не буду. Оснований убивать министра у госпожи Добронравовой также не выявлено. Вместе с тем, возможно, Наталья располагает информацией, связанной с контактом министра с женщиной по имени Лаура Висконт, подданной Великобритании, постоянно проживающей в Москве, замужем, без детей. Госпожа Висконт является единственной владелицей компании Global Franchise Research Industries, имеющей российское подразделение в нашей стране. Компания зарегистрирована на Виргинских островах, со скрытыми учредителями, однако конечным бенефициаром является Висконт. Компания оказывает консалтинговые услуги разного уровня, начиная от легализации взяток в Центральный банк, заканчивая сопровождением международных коммерческих подкупов и финансированием лобби. Висконт была замечена при сделках по даче взяток правительству Узбекистана по приватизации сотовых операторов, кроме того, Висконт проводила ряд операций по финансированию террористической деятельности и экстремистов в Сирии.

– Какая деятельная дама, – сказал генерал-полковник Лукьянов и басовито хохотнул. Народ вокруг стола поддержал его густым забористым смехом. Наташе было не до смеха, она сидела как голая, в шоке от фактов, которые сейчас кустобровый вывалил на стол перед всеми про нее и ее дочь.

И что означают эти шесть контактов наедине с министром? Катюша встречалась с Димой в ее, Наташино, отсутствие? Но она не помнит такого, вернее, ей об этом неизвестно. Эта новость была неприятной и какой-то омерзительной. Словно ее обманула собственная совесть. И в который раз она убедилась, что быть в неведении, когда тебе кажется, что ты знаешь все – самая отвратительная в мире вещь.

Кустобровый тем временем продолжил:

– По имеющимся сведениям, Висконт сейчас находится в Москве, однако ее охрана не позволяет даже приблизиться к ней без постановления судьи. У Висконт есть частная резиденция с вертолетом, откуда она может взлететь и покинуть страну. Вертолет оснащен подвесными баками и приземлится на дозаправку только в Польше, на закрытом аэропорте. Были попытки задержать Лауру, однако все они закончились ее бегством. Как она проникала на территорию России – неизвестно, однако и оснований задержать ее у нас нет и не было.

Вот тут Наташа удивилась еще сильнее. А казалось бы – сильные мира сего. Да чего непонятного? У этой бабы в руках яйца больших чиновников, которые и обеспечивают ей беспрепятственный въезд и выезд. Если уж Наташа умудрилась получить доступ к министерским данным, то и Висконт смогла прикормить кого-то из министерств. Да хоть самого кустобрового, кем бы он ни был!

Наташа всмотрелась в старое, но ухоженное лицо Лауры Висконт, ее фото сменило портрет Дмитрия Шелехова. В молодости она наверняка была очаровательна и очень красива. Сейчас красота немного увяла, но она все же натуральная – никакого фотошопа, никаких подтяжек. Минимальный набор обвислости и морщин, ровно по минимуму в год, не больше. Эта женщина тщательно следит за собой, за своим телом и здоровьем. Красивый цвет лица, свежий и натуральный, чистый взгляд ясных голубых глаз, аккуратная прическа из сильных волос пепельного цвета.

– Все, Павел Семеныч, закрывай свою шарманку, – велел генерал-полковник Лукьянов. – Наталья, расскажите нам, пожалуйста, об отношениях министра с вашей дочерью.

– Мне ничего об этом неизвестно, – ответила Наташа.

– Потому что их не было? Или вам о них не говорили?

– Я повторю свой ответ: мне ничего об этом неизвестно. Если отношения и были, я о них не знаю. Своими словами я не подтверждаю, но и не опровергаю никакие сведения.

– Хорошо, пусть будет так. А деньги? Шелехов отдал вам их или нет?

– Нет, не отдал, – сказала Наташа.

– И причину вы не знаете?

– Нет.

– Ну, значит, оно вам и не надо, – миролюбиво ответил Артем Леонидович. – Давайте приступим, собственно, к делу. Мы пригласили вас по той лишь причине, что взять эту скользкую тварь в одиночку не можем. Провернуть такое убийство могла она, у нее бы получилось. Нам нужна ваша помощь.

Ах, вот оно как! Помощь им, значит, нужна. Ну что же, держите.

– И так вы просите? Унижая меня и мою дочь? Я отказываюсь сотрудничать с вами и помогать вам не стану. Хотите таскать меня или мою дочь по СИЗО – вперед. Этим меня не напугать, мы еще посмотрим, кто кого там унизит.

– Наталья, вы уверены, что выбрали верный тон? – все так же миролюбиво спросил Лукьянов.

– Уверена!

– То есть помочь нам вы не хотите, правильно? – спросил Лукьянов.

– Правильно.

– И не станете возражать, если я запомню, что вы отказали нам в помощи?

– Я не возражаю, – ответила Наташа, голос ее был тверд как никогда.

– В таком случае более вас не задерживаем.

И она действительно смогла уйти. Ее вывели из здания каким-то коротким путем, всего раз вильнув в лабиринте коридоров, и вот уже улица. Все тот же автомобиль стоял все там же, выпускал молочные клубы выхлопных газов. Она села на пассажирское место на заднем сиденье, и машина тронулась.

Под тихий гул двигателя Наташа сидела с широко открытыми глазами. В голове не умещалось, что она стала участником реальных событий. Все происходящее было похоже на какой-то гротескный спектакль, объективность которого сводилась к нулю. То, как она общалась с представителями власти, было результатом ее напряженной борьбы с собой. С одной стороны, она боялась навредить себе и Катюше, с другой – просто не могла не защититься. Когда автомобиль затормозил возле какой-то станции метро и ей сказали, что она может выходить, Наташа пришла к выводу, что у нее не было другого выхода, кроме как повести себя именно так, как она себя повела. И корить себя не за что. Кто знает, что сделали бы с ней, не дай она отпор? Кто знает, к чему бы ее принудили? Возможно, ее заставили бы раскрыть ее семейные проблемы, рассказать подробности… Она успокоила себя, что все сделала правильно, оставшись в стороне.

Вот только где гарантия, что она действительно сумела остаться в стороне? Где гарантия, что завтра они не придут к Катюше и не заставят ее работать на них? Эта мысль придала ей сил – она должна срочно увидеться с дочерью, поговорить с ней, предостеречь.

Выйдя из метро, первым делом она разыскала Костика, по телефону сын сказал, что будет дома через час, у него какие-то дополнительные занятия. По ее голосу Костик понял, что что-то случилось, и сказал, что может прямо сейчас прийти домой, если надо. Наташа, услышав голос сына, успокоилась. Не нужно пугать ребенка, не нужно.

Потом она позвонила Катюше. Но дочь не отвечала на звонки. Наташа написала ей сообщение в мессенджере, потребовала срочно перезвонить, бросив все дела.

Третий звонок она сделала в офис. Она успокоила всех: сказала, что все выглядело страшнее, чем было на самом деле, и что утром она будет на работе. Она уточнила у Ромы по поводу статей, он сказал, что все утверждено и редакции получили финальные версии материалов.

Напряжение не проходило. Она пыталась отвлечься, заняться делами, сделать что-нибудь, чтобы время до звонка дочери прошло быстрее. Дома она прибралась в квартире, разложила вещи по местам, запустила стиральную машину, помыла посуду и даже приготовила себе кофе.

Катюша позвонила, когда Костик, весь запыхавшийся, ввалился в квартиру и, расшвыривая ботинки, унесся в свою комнату к видеоигре.

– Что случилось? – спросила Катюша вместо приветствия.

– Где ты? – в ответ спросила Наташа.

– Почти у дома, вышла из метро, появилась связь.

– Давай быстро, есть разговор.

– Мам, все в порядке?

– Да. Давай быстро домой.

Наташа сама себе удивилась. С Катюшей она прекрасно держала себя в руках, помня о том, что ее дочь очень ранима и любое проявление агрессии или даже перемены настроения матери в худшую сторону воспринимает на свой счет. Такой резкий разговор мог напугать ее.

Но не напугал.

Дочь вошла в квартиру с высоко поднятой головой и злым блеском в глазах.

«Обиделась, – поняла Наташа, – обиделась до смерти! Ну конечно, мы ведь не разговариваем друг с другом в таком тоне. Мы не командуем, кому, куда и когда идти. Мы «выше» всего этого».

Наташа хотела продолжить эту мысль, но увидела, во что была одета Катюша, и с большим трудом сдержала гнев.

– Что на тебе надето? – спросила Наташа предательски дрожащим голосом.

– Брюки.

– Это не брюки, это лосины. Их нельзя закатывать до колен. И этот топ сюда не подходит, не говоря уже о том, что у тебя примерзло пузо и покрылось гусиной кожей, как будто ты выщипала на животе волосы. Переоденься, пожалуйста, смотреть противно.

Катюша открыла было рот, чтобы достойно ответить, но отчего-то не стала. Она молча скинула кроссовки, аккуратно поставила их на полку и скрылась в своей комнате. Наташа подождала ровно столько, сколько требуется, чтобы переодеться, и вошла в комнату дочери, плотно затворив за собой дверь. Там царил настоящий свинарник: вещи комом валялись на полу, стуле, кресле, диване; торшер с бархатным абажуром покрылся слоем пыли, как и телевизор, компьютер и письменный стол. Кровать не застелена, белье неопрятно-серого цвета.

Наташа молча обозрела картину и спросила:

– Откуда у тебя деньги?

– Какие деньги?

– Я даю тебе намного меньше денег, чем ты тратишь. Я посмотрела банковскую выписку – ты не тратила с кредитки последние полгода так, как тратила раньше.

– Я стала экономнее. Многое из того, что мне было нужно раньше, теперь потеряло смысл. Мне неинтересно тратить деньги на какие-то вещи, которые раньше были важны. Ты из-за денег переполошилась так? Ты сама не своя.

– Катюша, откуда у тебя деньги? – повторила Наташа вопрос.

– Мам, да нет никаких денег! Что ты несешь?

– Когда ты встречалась с Димой в последний раз?

Вопрос оказался для Катюши неожиданным. Она побледнела, и быстро взять себя в руки ей не удалось. Она сглотнула и помотала головой, как будто пыталась своими жестами показать, что это был глупый вопрос и ответить на него серьезно просто нельзя.

– Ты встречалась с Димой в мое отсутствие? – спросила Наташа.

– Что?

– Ты прекрасно поняла вопрос.

– Нет, – ответила Катюша, чтобы хоть что-то ответить.

– Не лги мне. Что вас связывало?

– Мама, да я говорю тебе…

«Все! – мелькнуло в голове. – Я так больше не могу!»

Наташа ударила ладонью по столу. После того, что она сегодня пережила, она была не готова долго и тактично подходить к правде или довольствоваться полуправдой. Ей нужно было понять, с чем она имеет дело, и разобраться с этим. Разобраться раз и навсегда. Она не может и не хочет лишних подозрений, не хочет думать и догадываться о вещах, которые не просто нужно узнать, но еще и постараться как-то пережить.

– Перестань мне лгать, – сказала она с металлом в голосе. – Я тебя серьезно спрашиваю – как часто и за что Дима давал тебе деньги? Вы были любовниками?

Катюшины глаза раскрылись широко. Конечно, не ожидаешь, что кто-то войдет в твой дом незваным и станет кричать, когда раньше бродил вокруг ограды, не позволяя себе без спроса даже заглянуть в огород, а если что и было нужно – тихо шептал.

– Как часто вы встречались? У вас были отношения? Или ты оказывала ему услуги за деньги? Катя, отвечай на вопросы, не молчи! Мне нужно понимать, какие у вас были отношения и что там, в конце концов, произошло!

Она хотела добавить еще каких-то обвинений, но боялась, что если они будут сильно мимо, дочь решит, что мать блефует, ей ничего не известно и можно не раскрывать правду вовсе.

– Я не понимаю, о чем ты!

– Не строй из себя дебилку! – заорала Наташа, окончательно выйдя из себя. – Ты не понимаешь, что происходит?! Министр убит, всю его переписку изъяли и тщательно проверяют! Мало того, что о вас уже знают все спецслужбы, так сейчас тебя проверяют на причастность к смерти Шелехова! Скажи мне, за что он тебе платил? Отвечай сейчас же!

Но Катюша не привыкла к таким сценам и быстро вышла из себя. Она открыла дверь и вытолкала мать из комнаты с криком:

– И не смей даже заходить сюда!

И захлопнула дверь перед Наташиным лицом.

– Мам, что происходит? Почему вы ругаетесь? – услышала она голос Костика.

Она повернулась к сыну.

– Костик, возвращайся в свою комнату и сиди там, нам нужно поговорить с Катюшей.

– Это не разговор! – заорала Катюша из-за двери. – Это просто гнусные обвинения!

Она вырвалась из комнаты. На ней был свитер, куртка и джинсы, в руках – рюкзак с вещами. Наташа похолодела.

– Конечно, ты будешь обвинять меня в чем угодно! – закричала Катюша в лицо матери. – Потому что никому не веришь! Ты следила за мной, ты контролируешь меня! Притворяешься, что доверяешь, что у нас хорошие отношения, а сама только и делаешь, что пытаешься влезть в мою жизнь и все испортить! Все! Я

больше не буду это терпеть, мне надоело! Адьос!

И, снова оттолкнув Наташу, она сунула ноги в кроссовки. Шнурки завязались сами собой – такая модель. Катюша достала из рюкзака ключи от квартиры и бросила их к ногам матери.

– Подавись, – процедила она.

* * *

По голосу Манюня поняла, что подруга только закончила рыдать и что-то случилось. Она сказала, что находится неподалеку и хочет приехать. Наташа ответила, что спать она не собирается, и заверила, что дождется Манюню. Манюня приехала глубокой ночью.

– Ну, что я могу тебе сказать? – спросила Манюня, выслушав Наташу. – Доигралась ты со своей толерантностью. Я не скажу, что сильно удивлена, узнав, что Дима вел какие-то дела с Катюшей, и не удивлюсь, если их связь была на почве секса. Тем более за деньги. Ты совсем потеряла контроль над дочерью, Наташа, а у нее самой головы на плечах нет. Ты сейчас узнаешь то, о чем не должна была узнать.

– Почему не должна? Я должна это знать!

– Нет, – жестко ответила Манюня. – Ты совсем запуталась во всем, Наташа! Совсем запуталась и всех запутала! То, что тебе должно быть известно, ты как раз не знаешь. А вот то, где твоему носу делать нечего – ты туда залезаешь и пытаешься все вынюхать. Я тебя люблю, подруга, но не могу не сказать, что ты чертовски неправа, не позволяя дочери самой решать, с кем ей быть. Ты с чего-то решила, что она обязана согласовывать с тобой каждого своего любовника только по той причине, что ты не высказываешь своего мнения, не мешаешь ей творить, что вздумается. Рассчитывать на это – глупо. И негодовать – тоже глупо. Ты не имеешь никакого права на это. ЭТО ее личное дело, ЭТО Катюша не обязана тебе рассказывать. А вот что употребляет твоя дочь на разного рода дискотеках – это то, что должно быть под твоим контролем. Если ты узнаешь, что она что-то курит (или глотает) из наркотических веществ, ты должна полностью и сразу это прекратить. Как ты можешь вообще доверять Катюше в

таких делах? Как ты можешь позволять ей вести свою жизнь в пьяном или наркотическом угаре? Она может наделать бед, а ты даже не сможешь ей помочь. Первое, что ты должна была запретить, как только узнала – это посещение всяческих клубов, рассадников наркоты. Ты знаешь, какая у Катюши зависимость?

– Нет, не знаю, – ответила Наташа. – А у нее зависимость?

– Зато ты знаешь, что есть человек по имени Рустам, или Руслан, или как там его? Который вроде как заботится о Кате. Ты залезла в эти отношения, слава богу, только по верхам (если, конечно, не соврала) и все-все выяснила. Вот там тебе делать нечего, это закрытая для твоего любопытного носа спальня! С чего ты вообще взяла, что имеешь право знать?

– Но я действительно имею право!

– Нет, – еще жестче ответила Манюня, – не имеешь! И именно поэтому у вас с Катюшей такие отношения. Потому что даже она понимает, что твои вопросы мимо кассы. Твои слежки тоже незаконны! Это аморально!

– Послушай, что ты вообще понимаешь…

– Я все понимаю. Я с ней говорила.

– Что?

– Что слышала! Катюша со мной советуется. Не всегда так было, а только после смерти министра. Мы говорили с ней о тех вещах, которые ее волнуют. И да, я знаю намного больше, она рассказывает мне. То, что ты пытаешься вытянуть из нее силой, само попадает мне в руки. Да, там есть несколько эпизодов, за которые стоит попереживать, но ничего критичного.

– Она встречалась с Димой! Встречалась без меня. Дима давал ей деньги.

– Никаких денег Дима ей не давал, – ответила Манюня. – Вернее, не давал своих денег. Дима отдавал долг, и отдавал Катюше, поскольку она его убедила, что ты велела ей забрать деньги. Чтобы ты знала: Дима полностью рассчитался с Катей.

– Что?! Почему Дима не рассказал мне? – спросила Наташа.

– Катюша не дала ему такой возможности. Первые четыреста тысяч Дима отдал ей, ничего не подозревая, а когда отдал еще двести, то обсудил с Катей звонок тебе. Зачем – не понимаю, мог просто позвонить, и все. Катя тогда ему сказала, что пока не успела тебе ничего сказать, но обещала, что скажет. Дима потребовал позвонить немедленно, Катя взвилась, заявила, что если он сейчас позвонит, она станет все отрицать, и ты поверишь ей. А если он отдаст все деньги, то Катя скажет, что забрала их, и вы разберетесь сами. И еще она припугнула его чем-то, но я так и не поняла, чем именно. Катя сказала, что это давно забытое дело, которое между тем весьма и весьма действенно влияет на Шелехова.

– И что Катюша сделала с деньгами? Это ведь огромные деньги! Миллион рублей!

– Да, миллион. Сначала она рассчиталась по своим долгам за наркотики. Потом накупила себе всяких гаджетов, половину из которых раздарила друзьям. Много денег ушло на вечеринки, новые наркотики и одежду.

– Что?! Ну а ты мне почему не рассказала? – спросила Наташа.

– Я недавно узнала, чего тут мельтешить? Все уже потрачено. У нее остались кое-какие деньги, но не то чтобы даже половина. Мне кажется, Катя говорила, что тысяч сто пятьдесят, что ли…

– Стало быть, Катюше Дима денег не давал.

– И не трахал ее за деньги. Надеюсь, вообще не трахал. Впрочем, об этом Катюша мне ничего не рассказывала.

Наташа была зла. Мало того, что Катюша забрала ее деньги, так еще и умудрилась обвести вокруг пальца и ее, и Диму. Такой подлости от дочери она не ожидала.

– Собственно, интерес Катюши к Диме закончился ровно тогда, когда последние двести тысяч перекочевали ей в карман. Это случилось за несколько месяцев до

убийства. С тех пор Катюша с ним не встречалась.

– Я в шоке!

– О том я тебе и говорю, подруга, ты лезла не в свое дело и понимала все не так, как было на самом деле. Волноваться тебе нужно о другом. А об этом самом другом тебе волноваться некогда, потому что твой любопытный нос пытался вынюхать то, что тебя совершенно не касалось. И когда я говорила, что тебе нужно поговорить с Катей по душам, я имела в виду вовсе не ее сексуальные контакты. А ее образ жизни. Она действительно скатывается все ниже и ниже, и то, что ты видела в ночном клубе, – Катюше недалеко до такого состояния. Но не любовь и секс творят с людьми такое, а образ жизни. Наркотики, распущенность, отсутствие внимания и контроля опускают людей… Я недоумеваю какой год: чего ты ждешь?! Ты ждешь, когда Катюша достанет ресницами до дна?

Наташа спрятала лицо в ладонях и снова заплакала. Она все сделала неправильно. Она все делала неправильно. Она всегда все делает неправильно. Опять, опять и опять. Неужели так будет продолжаться всегда? Ведь Манюня ей действительно говорила все это, причем не так давно. Но тогда Наташа поняла это по-другому и сделала по-своему. И вот результат. И снова Манюня говорит, и теперь Наташа ее слышит, но снова не понимает. Что она должна сделать? Как ей поступить?

Макс

Вернуться в Москву оказалось легче, чем я предполагал. Шасси самолета коснулись посадочной полосы аэропорта «Домодедово», и меня не разорвало от боли.

Когда я передал свой паспорт таможенной службе, у меня не остановилось сердце. Когда вышел в мокрый сумрак улицы, меня не парализовало.

Только глаза заволокло пеленой, но это от ветра.

А ведь год назад было по-настоящему страшно. В тот момент я чувствовал себя так, словно мне отделили голову от тела, и она парила сзади, в двух шагах. Я видел свое безголовое тело, которое куда-то шло, кого-то обнимало, пожимало кому-то руку, сидело, лежало, стояло неподвижно в темноте, словно тень, оставленная кем-то до утра. А моя голова стала вместилищем страшных мыслей; нет, правда: одна другой страшней, но самое ужасное – я знал, что виноват во всем только я сам. И нет спасения, нет и быть не может. Приехали родители и забрали меня к себе, в Америку. Мое тело и голову, которая следовала за телом по пятам, но не желала воссоединиться с ним. Я не помню, в какой момент ощущение отделенной головы пропало, но периодически оно возвращалось – ночами я вскрикивал, вырывал себя из кошмара, садясь в кровати, а голова оставалась на подушке.

И вот сейчас я вернулся в Москву и думал, что выйду из самолета, а голова поплывет сзади, безразлично таращась на сонных пассажиров.

– Макс, привет, – услышал я знакомый голос где-то сзади.

Обернулся. Это была она. Все так же молода и прекрасна. Большие карие глаза смотрят с недоверием и испугом. Она сделала осторожный шаг и замерла. Между нами проходили пассажиры, проезжали тележки с багажом, толкаемые торопящимися людьми. С неба сыпалась сухая крупа прямо в лицо, и хоть как отворачивайся и прячься, все равно сыпет.

Как же она была красивая! Как же я ее любил когда-то. Любил эти изящные руки, тонкие пальцы, ухоженные ногти с темно-красным лаком. Я подарил ей эту маленькую черную сумочку, которую она сейчас сжимает до побелевших костяшек. Это пальто, строгое, темно-зеленое, мы покупали вместе, и она так радостно улыбалась перед зеркалом дома, крутясь в нем. Мы долго искали сапоги такого же оттенка к этому пальто, а сейчас она в других – черных, лакированных. Видимо, те вышли из строя, а жаль, красивые были сапоги.

Но я ненавижу ее точно так же, как ненавидел год назад, когда уезжал, и так же сильно ненавижу, как и три дня назад, когда мы говорили по телефону. Ничего не изменилось, только сейчас я могу держать себя в руках.

– Привет, Алина, – сказал я.

Я вклинился между пробегающими людьми и подошел к ней.

– Как долетел? – спросила она.

– Хорошо. Мы же говорили с тобой, зачем ты приехала? – спросил я.

– Я подумала, что тебе нужно, чтобы кто-то тебя встретил.

– Нет, ты ошиблась, мне это совершенно не нужно. И я тебе об этом говорил. Ты зря приехала, Алина.

– Нет, не зря, – сказала она. – Я увидела тебя.

– Зачем ты это делаешь?

– Макс, давай не будем говорить об этом, прошу тебя! Я приехала встретить тебя, помочь, чем смогу.

– Однажды ты мне уже помогла, – проговорил я. Голос дрожал, предательски, чертовски предательски. – Больше не надо.

– Ладно, – сказала она и несколько раз кивнула, в ее глазах стояли слезы. – Я не буду… Я поеду… «Аэроэкспресс» через пятнадцать минут отъезжает, я как раз успею. Я думала, если ты увидишь меня, то что-то изменится. Я не знаю, зачем это сделала. Прости, Макс, прости. Все, я ухожу.

Она развернулась, махнула мне рукой и пошла в сторону платформы, где стоял огромный красный поезд. Она шла быстро, опустив голову, и сумочка почти волочилась по асфальту. Плечи Алины содрогались. Глядя ей вслед, я вытер слезу, такую же предательскую, как и голос.

* * *

Квартира встретила удушливой тишиной. Я не собирался здесь ночевать, просто нужно забрать кое-какие документы из сейфа, а потом я уеду отсюда. Я не готов пока принимать решения насчет продажи квартиры, но жить здесь абсолютно

точно не смогу.

Пиликнул телефон. Пришла почта. Я открыл и прочитал письмо.

Макс, новая информация по делу: арестовали секретаршу министра. Никто толком пояснить не может, в чем ее обвиняют, но говорят, это она забрала пистолет. В здании проводят обыски, изъяли все записи с камер видеонаблюдения. Приемная просматривается отлично – наши источники сообщили, что на пленке видно, как пришел министр, открыл дверь в свой кабинет и заперся там; через двадцать минут пришла секретарша, села за стол и работала десять минут (наверное, проверяла почту), а потом встала, открыла дверь в кабинет министра, но даже шагу туда не сделала. Как она могла забрать пистолет? Да и зачем? В общем, тебе нужно получить копию пленки, потому что у всех нас тут мнение, что убийство хотят повесить на бедную девушку. Ну а кто еще мог попасть в кабинет, убить министра и испариться? Если следствие не найдет вразумительных ответов, пленку могут засекретить и уничтожить, а свидетелей обработать так, что девушка сядет. В приложении контакты лица, которое передаст тебе пленку. Ему нужно отдать пять тысяч долларов.

Да уж! Скандальный министр – скандальное убийство. Сейчас начнут всплывать подробности, и я чую, что не о профессиональной жизни пойдет речь. Объявятся любовницы, внебрачные дети, обиженные проститутки, брошенные деловые партнеры с миллиардными долгами… В общем, стандартный набор «успешного» человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fedoranich_sergey/virus

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить